МАРКС
ПРОТИВ РОССИИ

издательство ЦОПЭ

Маркс против России

(Анализ неизвестных статей)

Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поводом для составления настоящей брошюры послужило появление в печати двух серий выдержек из давно забытых статей Карла Маркса. В этих статьях, написанных по разному поводу, Маркс излагает свои взгляды и воззрения на историю русского народа и историю России и выявляет в своих суждениях весьма определенно и ясно свое отношение к русским, к России и ко всему русскому вообще.

Можно с полной уверенностью утверждать, что КПСС, устанавливая и насаждая в подвластной ей стране культ Карла Маркса, не пользуется тем материалом, который можно почерпнуть из вышеупомянутых статей Маркса; наоборот, не может быть сомнений в том, что марксистские вожди в СССР считали бы не только вредным, но попросту недопустимым оглашение материала, из которого с очевидностью явствовало бы, что Маркс не только не знал России, не только представлял себе события русской истории в совершенно превратном, свидетельствующем об его невежестве, виде, не только преподносил своим читателям сведения о России и ее истории в ложном и искаженном освещении, но сверх того еще относился сам к России и ко всему русскому с неприкрытой враждебностью и даже ненавистью и презрением. Такой материал, вполне естественно, не мог бы способствовать успешному проведению и насаждению в России культа Маркса.

Культ Карла Маркса в советском государстве прочно установлен. Он неизменен и незыблем. Он является неотъемлемым элементом официального, не только партийного, но и государственно-принудительного мировоззрения. Официальное славословие провозглашает Маркса великим учителем и вождем, гениальным мыслителем, корифеем науки (часто, правда, «революционной» науки, как будто таковая вообще может существовать). Ему надлежит поклоняться, его полагается восхвалять и превозносить. Его учение — марксизм — это альфа и омега всякого научного знания, основа политической премудрости, руководство для «правильной» политики, рецепт для по-

строения нового социалистического общества, материалистического «рая на земле».

Судьбе угодно было, что построение этого «нового общества», создание этого МАРКСистского «рая на земле» впервые стало осуществляться в России, что первым народом, «облагодетельствованным» насаждением новых условий жизни, предусмотренных и рекомендованных в учении Маркса, оказался русский народ. Правда, «облагодетельствовать» его оказалось возможным лишь в порядке принудительном; новые условия жизни по рецепту Карла Маркса пришлось насаждать насильственно. Об этом свидетельствует вся история коммунистического режима в России: многолетняя гражданская война, Белое движение, серии восстаний, страшные годы насильственной коллективизации, Власовское движение и весь режим непрекращавшегося террора ЧЕКА-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ. Террором и насилием насаждалась «новая жизнь». Террором и насилием понуждался народ строить свою жизнь не по своему собственному русскому разумению, а по замыслам и учению иностранца, по воспринятым коммунистической партией идеям Маркса, — и, вдобавок, понуждался еще к тому, чтобы возвеличивать и славословить его, как великого учителя и вождя, как благодетеля человечества.

Но достаточно ли убедительно звучало требование, что следует ломать и перекраивать свой налаженный быт, свой собственный, русский, образ жизни на основании всего того, что думал, прозревал и проповедывал, пусть даже гениальный и великий учитель и вождь, но все же не свой, не русский, а иностранец, иноземец, чужак? И вот, чтобы позолотить пилюлю и как бы дополнительно уверить русского человека в том, что учение и идеи Маркса несомненно применимы и к России, благодетельны также и для русских, а не только для Запада, родины Маркса, стали выдвигать ряд положений о том, что Маркс якобы изучал множество материалов о России, проявлял к ней и ее будущему огромный интерес, видел в ней страну неисчерпаемых революционных возможностей, — или, иными словами: прекрасно познал Россию и русский народ. Из этого выводится, естествеенно, заключение о том, что Маркс «конечно» относился к русскому народу с симпатией, благоволил ему и т. д. Более того, была распространена даже легенда о том, будто сам Маркс признал, и чуть ли не провозгласил, право на ведущую роль в будущем за Востоком, Россией, за русским народом. И как же после этого не славословить и не превозносить великого, гениального учителя и вождя, если он, помимо своей гениальности, славен еще и тем, что столь доброжелательно относился к русскому народу и придерживался столь лестного о нем мнения.

Но что в действительности известно гражданам первого в истории построенного на МАРКСистских началах государства о том, ка-

ково было настоящее мнение Маркса о России и о русских, какие чувства на самом деле определяли его отношение к русским и их стране, что знал он вообще о России? Мы полагаем, что имеются известные основания к тому, чтобы с уверенностью сказать: им, вероятно, обо всем этом решительно ничего не известно. Объясним, что побуждает нас к такому утверждению.

Существуют две серии статей Карла Маркса, в которых он весьма обстоятельно, недвусмысленно ясно и откровенно излагает свои мысли о России и о русском народе. Первая серия — это статьи по «восточному вопросу», написанные Марксом для американской газеты „New York Daily Tribune" за время от марта 1853 по апрель 1856 года, т. е. накануне и во время Крымской войны. Вторая серия состоит из статей, опубликованных им в лондонской „The Free Press" за время от августа 1856 по апрель 1857 года под общим названием «Разоблачения по истории тайной дипломатии XVIII века». Обе эти серии статей были переизданы дочерью Карла Маркса, Элеонорой Маркс-Эвелинг: первая серия — в Лондоне в 1897 году в виде сборника под общим заглавием «Восточный вопрос», вторая там же в 1899 году в виде брошюры под названием «История тайной дипломатии восемнадцатого столетия». Эти издания, вышедшие оба на английском языке, являются, повидимому, большой библиографической редкостью, а самые статьи в «Нью-Йорк Трибюн» и «Фри Пресс» и подавно.

Однако, ознакомление со взглядами и воззрениями Маркса, изложенными в двух вышеупомянутых сериях статей, в настоящее время облегчено опубликованием пространных выдержек из этих статей. В 1951 году во французском журнале „Preuves" появилась статья Максимилиена Рюбеля: «Карл Маркс — проклятьем заклейменный автор в СССР?» [1]), где опубликован ряд переведенных на французский язык выдержек из статей Маркса в лондонской «Фри Пресс». А в 1960 году в Германии вышел, составленный швейцарским профессором Дёриг, весьма внушительный по размерам (156 страниц) сборник переведенных на немецкий язык выдержек из статей Маркса в «Нью Йорк Трибюн» [2]). В этих двух публикациях обращает на себя внимание совершенно аналогичное в обоих изданиях указание на то, что статьи Маркса, выдержки из которых в них приводятся, не были включены ни в одно из советских изданий трудов и сочинений Маркса. Проф. Дёриг, составитель сборника выдержек из статей Маркса в «Нью-Йорк Трибюн», указывает, что — после переиздания

---

[1]) „Preuves. Cahiers mensuels internationaux", № 8 (октябрь 1951 г.). Париж.

[2]) „Max contra Rußland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte. Berichte von Karl Marx als europäischer Korrespondent der New York Daily Tribune 1853–1856". Herausgegeben von Prof. Dr. J. A. Doerig. Seewald Verlag. Штуттгарт. 1960.

дочерью Маркса этих статей отдельным сборником — «позднейшие коммунистические издатели трудов Карла Маркса неизменно откладывали в сторону и оставляли лежать под сукном статьи из «Трибюн»; а издательство, выпустившее этот сборник, от себя еще добавляет, что «корреспонденции, которые Карл Маркс писал в 1853—1856 г.г. для «Нью-Йорк Трибюн», и которые в настоящее время являются библиографической редкостью также и в западных библиотеках и архивах, подверглись сокрытию и утайке, не будучи включены ни в одно из советских изданий трудов Маркса». А автор упомянутой статьи в журнале «Прёв», Максимилиен Рюбель, касаясь советского издания собрания трудов и сочинений Маркса и Энгельса, упоминает богатство собранных архивов, в результате использования которых советское издание часто превышает по вызываемому им интересу аналогичные иностранные публикации, и высказывается об этом издании следующим образом:

> «Но было ли все это опубликовано безоговорочно и без сокрытий? Чтобы ответить на этот вопрос, откроем первую часть XI тома, вышедшую в 1933 году. Заглавный ее лист указывает содержание: «Статьи и корреспонденции 1856—1859 г.г.»
>
> И вот, внимательное изучение открывает нам, что в этом томе содержатся все известные, соответственно датированные, написанные Марксом и Энгельсом статьи и корреспонденции, **за исключением одной работы, принадлежащей перу Карла Маркса.** Речь идет о «Разоблачениях по истории тайной дипломатии XVIII столетия», опубликованных им самим в виде одиннадцати статей в лондонской „The Free Press" за время от 16 августа 1856 года по 5 апреля 1857 года и переизданных в 1899 году.
>
> Этот кричащий пробел не может быть приписан ни неведению, ни недосмотру или оплошности издателей, а является, очевидно, результатом полученного ими приказа.
>
> Если мы в поисках за объяснением обратимся к составленному В. Адоратским предисловию, мы установим, что в нем не содержится ни единого упоминания этих одиннадцати статей Маркса. Иными словами, **не дано никакого указания на причину того, почему оказался попросту и начисто вычеркнутым наиболее значительный труд, который вообще когда-либо был посвящен политической истории России автором «Капитала».**

Кажущееся как будто странным и непонятным сокрытие упомянутых двух серий статей Маркса является необъяснимым лишь на первых порах, пока нам неизвестно их содержание. Сто́ит, однако, лишь ознакомиться с высказанными в них о русских и о России суждениями и мнениями Маркса и неизбежно обнаружить при этом, что они преисполнены тенденциозной враждебности, ненависти и презрения, клеветы и злословия, как объяснение этому изъятию напраши-

вается само собой: **такого** Маркса, **так** высказывающегося о России и **так** относящегося к русским, показать русскому читателю, конечно, никоим образом нельзя, — культ Маркса не допускает подобного легкомысленного эксперимента, в результате которого могло бы оказаться подорванным «всенародное доверие» к великому и гениальному учителю и вождю, и, как вполне естественное следствие этого, также и доверие к его учению, ко всему тому, что вот скоро уже почти полвека навязывается русскому народу под вывеской «марксизма».

Но не будем забегать вперед. Установим пока только одно несомненное положение: интересам марксистских вождей, вчерашних и сегодняшних, во всяком случае вполне отвечает замалчивание истинного отношения Маркса к русским и России и сокрытие от русского читателя тех его статей, в которых это отношение высказано и проявлено с не вызывающей никаких сомнений ясностью. По мере ознакомления с этими статьями Маркса, и особенно при внимательном их изучении, правильность этого утверждения и его несомненность вырисовываются с все большей и большей убедительностью. Следует, однако, принять во внимание, что даже в том случае, если упомянутые статьи оказались бы — в настоящее время или в будущем — все же включенными в советское издание полного собрания трудов Карла Маркса, круг лиц, которые фактически ознакомились бы с содержанием этих статей, остался бы несомненно крайне ограниченным, даже ничтожным по своей численности. Кто стал бы доискиваться в столь многотомном издании каких-то статей по восточному вопросу или по истории тайной дипломатии XVIII века, написанных уже более чем сто лет назад? Кто вообще интересуется газетными статьями столетней давности, хотя бы даже написанных «самим» Марксом? Лишь весьма немногие «специалисты» по изучению трудов Маркса стали бы копаться в этом несметном изобилии журналистического писательства. А широкие народные массы по-прежнему, во всяком случае еще на долгое время, снабжались бы исключительно лишь теми «сведениями», которые им преподносит официальная пропаганда, поддерживающая и проводящая всенародный культ Маркса.

Таким образом, культу Маркса — так или иначе — никакая опасность пока что еще не грозит. Ознакомление широких масс населения с упомянутыми статьями Маркса исключено. И официальное восхваление и славословие как будто не может задеть или оскорбить русское национальное самосознание, от которого скрыт истинный облик Маркса, этого ненавистника всего русского.

И вот, ознакомление русского читателя с упомянутыми статьями Маркса и составляет задачу настоящей брошюры. Но эта задача не исчерпывается одним ознакомлением с имеющимися в нашем распоряжении текстами выдержек из этих статей, опубликованных в ука-

занных нами двух изданиях — во французском журнале «Прёв» и в книге профессора Дёриг. Мы полагали необходимым дать также и тщательный анализ отдельных, приведенных нами в выдержках, высказываний и суждений Маркса. Лишь внимательный анализ этих высказываний Маркса дает возможность проследить до конца ход его мыслей о России и вскрыть во всей его цельности предвзято-враждебное, тенденциозно-осуждающее и вскормленное ненавистью и презрением отношение Маркса к русским и к России.

Все цитируемые в настоящей брошюре тексты Маркса заимствованы нами из соответствующих переводов его статей в указанных нами двух изданиях: выдержки из статей по восточному вопросу, опубликованных в «Нью-Йорк Трибюн» — из книги-сборника профессора Дёриг, а выдержки из статей в «Фри Пресс» — из французского журнала «Прёв».

Каких воззрений придерживался Карл Маркс по отношению к России, что думал он о русском народе, как воспринимал русскую историю, испытывал ли он вообще какие-нибудь чувства к русским и России, и какие именно, — на все это можно найти обстоятельный ответ в упомянутых в предисловии двух сериях его статей.

Внутренне определенная направленность мысли Маркса находит свое выражение в двух основных тенденциях, красной нитью проходящих через все суждения и высказывания его:

> показать, что «традиционная политика России» постоянна и неизменчива;
>
> представить эту «традиционную политику» в самом предосудительном, отвратном и отталкивающем освещении.

Здесь сразу следует указать, что, по общему своему смыслу, суждения Маркса сами свидетельствуют о том, что, говоря о «традиционной политике России», он имеет в виду, конечно, не одну лишь «политику»; все его суждения — суждения о самой России и о русском народе, ибо характерные, по мнению Маркса, особенности русских и России и порождают, по его мнению, такие же характерные особенности русской политики.

Приступая теперь к этому ознакомлению — ознакомлению, которое нам должно дать ответ на упомянутый в начале основной вопрос о том, каково было отношение Маркса к России и русским, — мы сперва остановимся на выдержках из статей для «Нью-Йорк Трибюн», а потом, в заключение, приведем выдержки из статей более общего характера, помещенных несколько позже в лондонской «Фри Пресс», в которых Маркс особенно явно и откровенно обнаруживает свое

отношение к России и к русским и в подчеркнуто резкой, сжато-концентрированной форме как бы резюмирует свои взгляды на русскую историю.

Главной основой, из которой исходит Маркс в своих высказываниях и суждениях, является формулированное им самим в следующих словах положение:

> «В политике России имеется одна черта, которая более всех других бросается в глаза: не только ее цели, но и способы их достижения традиционно одинаковы. Нет такого осложнения в современном восточном вопросе, такого случая, такой официальной ноты, которых нельзя было бы процитировать из уже известных страниц истории».

К мысли о тождественности русской политики на протяжении всей истории России Маркс постоянно возвращается. Неоднократно пытается он подкрепить эту мысль ссылками на русскую историю, прибегая часто к весьма произвольным обобщениям и далеко не всегда уместным или даже позволительным сравнениям, мало стесняясь в выборе способов аргументации и средств доказательства.

> «Политические деятели охотно ссылаются на завещание Петра I, чтобы показать, в чем состоит сущность традиционной политики России вообще и, в частности, к чему она сводится, рассматривая ее с точки зрения намерений России в Константинополе».

Маркс, нисколько не смущаясь, ссылается на эту историческую «фальшивку», упоминая это поддельное «завещание» без какого либо комментария и вызывая этим у малоосведомленного читателя уверенность в том, что это «завещание» является достоверно подлинным, — и продолжает:

> «Им следовало бы заглянуть еще дальше. Более восьми сот лет тому назад Святослав, тогдашний языческий великий князь России, объявил на собрании своих бояр, что «не только Болгария, но также и греческая империя в Европе, вместе с Богемией и Венгрией, должны подчи-

ниться господству России». Святослав завоевал Силистрию и угрожал Константинополю в 967 году н. э., точно так, как Николай в 1828 году. Династия Рюриковичей, вскоре после основания русского государства, перенесла свою столицу из Новгорода в Киев, чтобы быть поближе к Византии. В одиннадцатом столетии Киев подражал во всем Константинополю, назывался вторым Константинополем и выражал, таким образом, неотступное стремление России».

Говоря об этом «неотступном стремлении России», а также об единстве и одинаковости целей русской политики, Маркс не может, конечно, не признать, что в основе этого «стремления» и этой «одинаковости» лежат объективные исторические данности и необходимости. Он и упоминает их, правда, но сразу же отводит внимание читателя в сторону; предварительно объяснив успехи русской политики слабостью западных держав, он обрушивается резкой критикой на **способы и приемы**, которыми пользуется Россия, и уже на этом пытается концентрировать внимание своих читателей.

«Религия и культура России византийского происхождения, и ее стремление подчинить себе Византийскую империю, которая в те времена была в таком же состоянии упадка, как Оттоманская империя в наши дни, было естественнее, чем завоевание Рима и Италии германскими императорами. Единство русской политики, правда, определено историческим прошлым России, ее географическими условиями и необходимостью обзавестись открытыми морскими портами в Архипелаге и в Балтийском море, если она желает сохранить свое доминирующее положение в Европе. Но ставшие уже традицией способы и приемы, при помощи которых Россия преследует эти цели, далеко не заслуживают того **(изумленного)** восхищения, которое они вызывают у европейских политических деятелей. Если успех ее унаследованной политики является доказательством слабости западных держав, то однообразные принципы этой политики одновременно все же указывают на внутреннее варварство самой России».

Повидимому в доказательство этого «внутреннего варварства России» Маркс, непосредственно за этим утверждением,

снова намекает на пресловутое, поддельное «завещание» Петра Великого, которому, якобы, следует русская политика:

«Кто бы не рассмеялся при мысли о французской политике, придерживающейся завещания Ришелье или капитуляций Карла Великого? Если просмотреть знаменитые документы русской дипломатии, то обнаружится: как бы они ни были остроумны, богаты выдумками, хитры и коварны, когда дело касается обнаружения уязвимых мест у европейских королей, министров и дворов, все же их премудрость совсем лишена способности воспринимать и замечать исторические сдвиги у западных народов. Князь Ливен [1]) разобрался очень точно в характере доброго Абердина [2])высказав предположение, что он был заодно с царем. Но он очень ошибся в суждении об английском народе, когда он накануне движения 1831 года в пользу реформы [3]) предсказал дальнейшее пребывание у власти правительства тори [4]). Граф Поццо ди Борго [5]) судил очень правильно о Карле X, но допустил большую ошибку в суждении о французском народе, когда он накануне изгнания Карла из Франции побудил своего «августейшего государя» заключить с этим королем договор о разделе Европы. Русская политика, с ее традиционными лукавством, обманом и увертками, могла бы, пожалуй, импонировать европейским дворам, которые ведь сами тоже являются традиционными установлениями, но она окажется весьма бессильной по отношению к народам, прошедшим через революцию . . .»

Где же эти «однообразные принципы», указывающие якобы на «внутреннее варварство России»? Мимо цели бьет ссылка на «завещание» Петра Великого, являющееся заведомой фальсификацией. Указание на двух русских дипло-

---

[1]) Русский дипломат, посланник в Лондоне.

[2]) Английский премьер-министр.

[3]) Парламентская реформа 1832 года, на основании которой избирательное право было предоставлено значительно более широкому кругу лиц.

[4]) Английская политическая партия (ныне — партия консерваторов).

[5]) Российский дипломатический деятель.

матов, будто не разобравшихся в «исторических сдвигах у западных народов»? Но если даже они ошиблись? Разве звание дипломата есть гарантия безошибочности в суждениях? И разве ошибки дипломатов являются мерилом культурного уровня государства?! Остаются «знаменитые документы русской дипломатии». Но ведь они не только «хитры и коварны», а, оказывается, даже «остроумны, богаты выдумками»! И вот, чтобы все же решительно дискредитировать в глазах читателя русскую политику, он, уже совершенно демагогически, приписывает ей «традиционное лукавство, обман и увертки», и заканчивает в этом месте свои рассуждения неизвестно чем обоснованным утверждением, что она никому не может импонировать, разве что очевидно отсталым, по его мнению, правительственным кругам европейских монархий.

«Традиционную одинаковость» русской политики Маркс определяет в другом месте (в одной из его статей в «Фри Пресс») еще и такой формулой:

> «Политика, проводимая (Иваном Калитой) была также политикой, которой придерживался Иван III. И эта же политика была также политикой Петра Великого и современной России, хотя изменились и название, и страна, и характер одураченной вражеской державы».

Остановимся пока на этом, запомним это **«одурачивание»,** в котором Маркс, повидимому, склонен усматривать тот постоянный элемент русской политики, которому она обязана своими успехами, и обратимся к другим высказываниям Маркса в его статьях по восточному вопросу (т. е. снова к статьям в «Нью-Йорк Трибюн»).

> «Константинополь — это вечный град: Рим Востока. Во времена греческих императоров западная цивилизация в столь сильной степени слилась с восточным варварством, а под турецким владычеством восточное варварство в столь сильной степени перемешалось с западной цивилизацией, что этот центр теократической империи стал действенной преградой для Европы в ее продвижении вперед».

К этому «продвижению вперед» Европы мы еще вернемся. Отметим здесь, хотя бы в качестве курьеза, следующее:

Маркс признает, что в результате смешения западной цивилизации с «восточным вараварством» создалось государственное образование, более могущественное, чем Европа, основывающаяся лишь на одной западной цивилизации, ибо это новое образование является для Европы не только «просто «преградой», но даже «действенной преградой» в ее «продвижении вперед».

Отметим еще упростительский взгляд Маркса на «восточное варварство» Византии и Оттоманской империи султанов; едва ли можно объединить в единой формуле «восточное варварство» разнородные не-римские, вернее, не-эллинские элементы древней Византии с не-христианским, турецко-монгольско- арабским, мусульманским и иным составом обосновавшейся на Босфоре империи турецких султанов. Но, повидимому, для Маркса все, что несопричастно западной цивилизации, может быть и даже должно быть отнесено к «восточному вараварству»; узость и провинциализм воззрений Маркса сочетаются здесь с заносчивостью.

> «Когда греческие императоры были свергнуты иконийскими султанами, дух древней Византийской империи пережил эту перемену династий. И если место султана занял бы царь, то эта старая империя снова ожила бы с более губительным влиянием, чем при древних императорах, и, к тому же еще, с еще более агрессивной мощью, чем при султанах».

Почему у такой, предположительно ожившей под скипетром русского государя, империи должно будет проявиться еще «более губительное влияние» (и было ли вообще у древней Византии такое губительное влияние?), Маркс не объясняет, а удовлетворяется этим голословным утверждением, как и не поясняет, почему могущество такой империи должно непременно быть «еще более агрессивным», чем при султанах. Куда и на кого такая агрессия будет направлена, для чего она нужна была бы, заинтересован ли был бы в таковой заменивший турецкого султана русский государь, — об этом Маркс здесь не упоминает ни единым словом. Он продолжает:

> «Царь оказался бы для византийской культуры тем, чем в течение веков были русские авантюристы для этой им-

перии, — а именно гвардейским корпусом ее солдат. Борьбой между западной Европой и Россией за обладание Константинополем поставлен и вопрос о том, должна ли византийская культура отступить перед западной, или оживет ли снова их антагонизм, в форме более ужасной и проявляющей большее стремление к завоеваниям, чем когда бы то ни было».

Оставим в стороне нелепое упоминание каких-то «русских авантюристах», «в течение веков» (каких веков? когда?) бывших чуть ли не каким-то гвардейским иностранным легионом. Но обратим внимание на следующее: получается по Марксу, что Россия, если и агрессор, то уже **не односторонний агрессор;** оказывается, что и **Европа стремится к обладанию Константинополем.** Следовательно уже не только в Турции дело, и не только в попытке России ограничить суверенитет султана требованием установления протектората русского государя над православными подданными султана (о чем Маркс подробно распространяется в своих статьях по восточному вопросу).

Признание Маркса весьма любопытно, так как оно проливает свет на коренную его установку по отношению к России. Действительно, Маркс связывает с борьбой за Константинополь судьбу византийской культуры. И связывает в том смысле, что византийская культура, естественно, должна отступить перед западной, т. е. фактически отступить должна Россия, стремящаяся занять место древней Византии, — иначе ведь снова оживет в неслыханном еще размере ужасный антагонизм, агрессия и стремление к захватам! Так, несомненно, получается по Марксу. И снова он не объясняет, почему это стремление к захватам и завоеваниям должно непременно принять в этом случае бóльшие размеры, «чем когда бы то ни было». Но несомненно, по Марксу же, и то, что именно неотступившая перед Западом византийская культура, т. е. попросту — неотступившая Россия и будет этим неслыханным еще агрессором, — все это как будто весьма просто укладывается в общей концепции Маркса. Но если вникнуть поглубже в смысл только что процитированного утверждения Маркса, то ответ может быть и иным, — особенно, если принять во внимание дальнейшие его высказывания:

«Константинополь — это золотой мост между Востоком и Западом, и западная культура не может, подобно солн-

цу, обойти весь мир, не перешагнув через этот мост; а это невозможно осуществить, не вступив в пререкания с Россией. Султан является лишь доверенным администратором Константинополя до наступления революции; и нынешние номинальные сановники Западной Европы, полагающие, что последний оплот их «ордена» находится на берегах Невы, не могут ничего сделать, как оставить вопрос неразрешенным, пока Россия не натолкнется на своего настоящего противника, а именно на революцию. Революция, которая сокрушит Западный Рим, уничтожит также демоническое влияние Восточного Рима».

Итак, Россия препятствует тому, чтобы западной культуре представилась возможность «подобно солнцу, обойти весь мир; с Россией надо вступать в «пререкания», чтобы западная культура могла перешагнуть этот мост — Константинополь. Но что следует здесь понимать под формулой »западная культура»? Не о культурных ценностях здесь идет речь, не о распространении культурного достояния Запада; из-за такого мирного приобщения к культурным достижениям западной Европы нет никакой необходимости «вступать в пререкания» с Россией, которая за полтораста лет после Петровских реформ (до тех дней, когда Маркс писал свои статьи) сама восприняла столь многое из сокровищницы западноевропейской культуры. «Пререкания» и сопротивление вызывают, конечно, не эти мирные способы культурного проникновения. Вызывают их — попытки к принудительному, насильственному приобщению или присоединению Константинополя или целых частей Оттоманской империи. К кому? К политической группировке тех государственных образований, которые в совокупности представляют собой политический инструмент, дипломатический аппарат и воинство этой «западной культуры». При этом несущественно каким путем задумано «перешагнуть через этот мост» и осуществить такое приобщение, — путем ли создания на территории Турции греческой империи или федеративной республики славянских государств, или иначе; но осуществиться оно может, во всяком случае, лишь за счет Турции, в нарушение суверенных прав султана, который ведь, по Марксу,, является всего лишь временным «доверенным администратором Константинополя до революции». И вот, в таком

«продвижении вперед» «западной культуры», т. е. западноевропейских государств, в таком захвате турецкой империи, хотя бы даже только для ее раздела и создания на ее территории новых государственных образований, но зато уже входящих в состав государств «западной культуры» или всецело подчиненных последним, — во всем этом Маркс не усматривает ни агрессии, ни устремления к экспансии; все это не вызывает у Маркса ни возмущения, ни осуждения. Наоборот, в его высказываниях чувствуется нотка сожаления о том, что такая агрессия, такая экспансия временно отложена по вине государственных деятелей западной Европы, которых он, в предвкушении наступления ожидаемой им всеобщей революции, считает уже только «номинальными сановниками», и которые, по его мнению, из чувства страха не решаются окончательно порвать с последним «оплотом» против революции, с Россией.

Итак — в том, что западная культура «подобно солнцу обойдет весь мир», перешагнет через «золотой мост» и оттеснит на восток или совсем сокрушит Оттоманскую империю, Маркс не видит ничего зазорного. Но всякое противодействие этому или, говоря словами Маркса, нежелание «византийской культуры» отступить перед западной, т. е. противодействие экспансии западной, — это неминуемо должно оживить старый антагонизм, ибо это агрессия, экспансионистские устремления и т. д. и т. д. Вот двойной масштаб Маркса! Вот «беспристрастное» и «объективное» рассуждение основателя «научного» социализма и коммунизма.

Но посмотрим дальше, что он говорит о якобы неизбежной экспансионистской политике России.

> «Похоже ли на то, чтобы эта гигантская разросшаяся держава приостановила свой рост, после того, как она преуспела уже столь далеко продвинуться по пути к мировой империи? Если не ее собственная воля, то обстоятельства препятствуют этому. В результате аннексии Турции и Греции она овладела бы прекрасными морскими портами, причем греки поставляли бы искусных моряков ее флоту. Овладев Константинополем, она стояла бы у ворот к Средиземному морю; захват Дураццо и албанского берега от Антивари до Арты вывел бы ее на самую середину Адриатического моря; британские Ионические острова были бы

на виду, и до Мальты было бы не больше 36 часов морского пути. Охватывая австрийские владения с севера, востока и юга, Россия уже сопричислит Габсбургов к своим вассалам. А затем возможно, и даже вероятно, что обнаружится еще и другой вопрос. Неправильная и извилистыми линиями проложенная западная граница империи, плохо согласованная с естественными рубежами, потребует выправления; и кончится это тем, что естественной будет казаться граница России, проходящая от Данцига или, быть-может, от Штеттина до Триеста. И как одно завоевание непременно вызывает следующее, одна аннексия влечет за собой новую, другую, столь же верно и то, что завоевание Турции Россией явится лишь предлогом для аннексии Венгрии, Пруссии, Галиции и для конечного осуществления славянской империи, о которой мечтали некоторые панславистские философы- фанатики».

Ни одно из приводимых Марксом указаний не может быть признано хотя бы даже только мало-мальски убедительным доводом. Простое наличие тех или иных преимуществ, связанных с приобретением новых территорий, еще не предопределяет окончательно, как бы неотвратимым образом, цели и устремления государств. Мало ли какие выгоды сулит России аннексия Турции и Греции, овладение Константинополем, захват албанского побережья и т. д. А сколько невыгод связано с этим, сколько жертв, сколько новых, совершенно ненужных и несомненно вредных осложнений принесло бы России включение в ее состав новых территорий и целого ряда народов, в том числе и совершенно чуждых, из которых многие имеют свою многовековую историю, свои отличные от русских быт, нравы и культуру. Рассуждения Маркса воистину наивны и примитивны. Следуя дальше такому упрощенному ходу мысли, Маркс мог бы с таким же успехом сослаться на «продиктованную обстоятельствами», неотвратимую и неизбежную, экспансию России, направленную на захват Гибралтара, который дал бы России выход из закрытого Средиземного моря на простор Атлантического океана, или на завоевание Персии или даже Индии, что означало бы обзаведение морскими портами на Индийском океане, или на аннексию Дании, что обеспечило бы свободный выход из Балтийского моря в Северное и дальше в Атлантический

океан. Все эти рассуждения Маркса несерьезны и демагогичны, как и указание на «сопричисление» Габсбургов к вассалам России и на «возможное» и «вероятное» выпрямление западной ее границы.

Но Маркс не ограничивается повторными попытками доказать наличие агрессивных и экспансионистских устремлений у России. Он преподносит своим читателям также и описание того, как подготовлялась русская агрессия против Турции:

> «Но в то время, пока Англия, Франция, и в течение долгого времени даже и Австрия, в вопросах решительной восточной политики бродили ощупью в потемках, другая держава перехитрила их всех. В России, которая сама является полуазиатской по своему устройству, по нравам, традициям и учреждениям, нашлось достаточно людей, которые могли разобраться в истинном положении Турции и в том, что представляла собой сущность этой страны. Религия в России та же, что и у девяти десятых населения европейской Турции, язык почти тот же, что у семи миллионов турецких подданных. И благодаря хорошо известной способности русских научиться умению разговаривать на чужом языке, если не усвоить его даже полностью, российским агентам было легко в совершенстве ознакомиться с турецкими делами, причем им хорошо платили за выполнение возложенных на них заданий. Так российское правительство уже весьма заблаговременно подготовило свою чрезвычайно выгодную позицию на юго-востоке Европы».

Итак, оказывается, Россия является **«полуазиатской по своему устройству, по нравам, традициям и учреждениям»!** О чем свидетельствует это голословное и огульное утверждение Маркса, как не о полном его невежестве и о пренебрежительном, основанном именно на этом же невежестве, легкомысленно-безответственном суждении о стране, которую он не знает. И вот, эти «полуазиаты», благодаря тому, что они именно «полу-**азиаты»,** лучше разобрались в турецких делах, чем западные европейцы; но разобрались они лучше в этих делах еще и на основании того, что сами они такие же праславные христиане, как подавляющее большинство населения европейской Турции, и что язык их родственен языкам

значительной части этого населения. А тут еще легкость, с которой русские усваивают иностранные языки! И в довершение всего — «им хорошо платили»!

Какое нагромождение! Русский — это полуазиат, он же славянин, он же христианин и он еще на язык горазд! И его «подрывная» работа, расчищающая путь русской экспансии, к тому же щедро оплачивается российским правительством! Все это видит Маркс, все это регистрируется им, чтобы по возможности более красочно и эффектно разрисовать перед своими читателями картину «русской агрессии». Да, все это он замечает, — но и только! Он не видит и не замечает, или не хочет замечать вековой гнет, под которым стонали христианские народы на Балканах, его мало трогают зверские расправы угнетателей. над порабощенными народами, его не интересует все то, что сделало столь тяжким турецкое иго. Его интересует единственно лишь мнимая «агрессия» России, ее «экспансионистские» поползновения.

Его предубежденно враждебное воображение видит даже в **этническом родстве** балканских славян с русскими **и в духовно-религиозном единстве** русских с православными балканскими народами лишь одно чисто «техническое», «агентурно-подрывное» преимущество русских, облегчающее им прокладку пути для экспансии заблаговременной подготовкой «чрезвычайно выгодной позиции» на Балканах. Да разве и можно ожидать иного от основоположника современного материализма с его ущемленным мировоззрением профессионального революционера и подрывателя. И он видит поэтому преимущественно лишь то, что

> «Сотни российских агентов разъезжали по Турции. Их стараниями православный царь предстал во мнении греческих христиан, как глава угнетаемой восточной церкви, как ее естественный покровитель и, в конечном итоге, ее освободитель».

Едва ли нужны были особые старания «российских агентов», чтобы находившиеся поду турецким игом христиане, да к тому же православные, усмотрели в русском православном государе естественного покровителя и возлагали на него надежды, как на будущего освободителя. Все это плоды ущербленного «агентурно-подрывного» революционно-профессионального воображения Маркса, а также его невежества, в си-

лу которого он говорит также о русском государе, как о«Главе Церкви».

> «Южным славянам, в частности, они изображали этого государя в качестве всемогущего царя, который рано или поздно должен будет объединить все ветви славянской расы под одним скипетром и поведет их к тому, что они станут господствующей расой Европы».

Трудно установить в настоящее время точным образом, что именно преподносили пресловутые «российские агенты» порабощенным турками южнославянским народам в первой половине прошлого столетия. Но с уверенностью можно предположить, что южных славян в гораздо большей степени интересовал насущнейший и конкретный вопрос непосредственно ближайшего времени — освобождение от турецкого владычества, чем туманные и отдаленные перспективы всеславянского господства над Европой.

> «Духовенство греческой церкви организовало вскоре крупный заговор для распространения этих идей. Сербское восстание 1809 года и греческое 1821 года были затеяны при более или менее непосредственном русском воздействии и были поддержаны русским золотом; и где бы только турецкие паши не поднимали знамя мятежа против центрального правительства, там нигде не обходилось без русских интриг и русского капитала. И когда затем внутритурецкие вопросы приводили в замешательство разумение западных дипломатов, которые о турецкой действительности знали не больше, чем «о человеке на луне», тогда объявлялась война, русские армии продвигались по направлению на Балканы- и Оттоманская империя по частям, одна за другой, подвергалась аннексии . . .»

Все очень просто! Россия предварительно пускает в ход подкуп, интриги и пропаганду, и выжидает затем лишь очередного замешательства западных дипломатов, чтобы улучшить момент и объявить Турции войну и двинуться на Балканы. Вот все, что видит Маркс. В вековой распре между Россией и Турцией его внимание односторонне приковано к усматриваемым им экспансионистским замыслам России, скорее даже преимущественно к методам, при помощи кото-

рых эти замыслы якобы проводятся в жизнь. Но он прибегает и к явной демагогии, когда говорит об аннексии Оттоманской империи «по частям». Если взглянуть на карту Оттоманской империи тех времен и охватить взором необычайно далеко и широко разросшуюся ее территорию, то нельзя не признать, что даже отошедшие к России сравнительно крупные области — Новороссия при Екатерине II и Бессарабия при Александре I — представляют собой, по сравнению с громаднейшей, подвластной Турции, территорией, все же не настолько существенные территориальные потери, чтобы о присоединении их можно было бы говорить, как об «аннексии Оттоманской империи по частям»; к тому же в довольно значительной своей части эти приобретения совсем не затрагивали турецкую в собственном смысле территорию, а всего лишь территорию подвассального султану татарского государства (Крымское ханство). И не только размеры, но главным образом, расположение этих областей на крайней периферии подвластных султану земель также не допускает такой формулировки.

Но если учесть, что Маркс писал свои статьи для «Нью-Йорк Трибюн», т. е. для американцев, несомненно весьма малоосведомленных, особенно в те времена, о географии России и Турции, если вспомнить об этом, то его формулировка и особенно умолчание им о том, какие же «части» Турции одна за другой были присоединены к России, представятся нам еще в ином свете: не договаривая и не уточняя, о каких аннексиях идет речь, Маркс своей формулировкой может, а, возможно, что и сознательно желает вызвать в воображении малоосведомленного американского читателя представление о России, как об агрессивной державе, **уже успевшей** захватить и аннексировать **целые части** Оттоманской империи и чуть ли не поглотившей ее целиком. Во всяком случае, такая обработка общественного мнения Америки несомненно вполне соответствует общему стремлению Маркса вызвать недружелюбные и даже враждебные чувства к России.

Как Маркс вообще растолковывает и объясняет своим читателям сущность восточного вопроса и роль, которую в нем играет Россия, видно из следующего отрывка, в котором он сам обобщает свои утверждения и высказывания:

> «Восточный вопрос можно вкратце свести к следующему: царь обеспокоен и недоволен тем, что эта громадная

империя должна ограничиться одним единственным морским портом, который к тому же еще расположен у моря, несудоходного в течение полугода и открытого для нападения со стороны англичан в течение другой половины года, и поэтому он следует и дальше стараниям своих предков —добиться выхода к Средиземному морю. Он отторгает, одну за другой, отдаленнейшие части Оттоманской империи от их основного остова, вплоть до того, что биение сердца империи, Константинополя, должно будет, в конце концов, приостановиться. Он возобновляет свои регулярные вторжения каждый раз, когда он полагает, что его направленные на Турцию намерения подвергаются риску быть сорванными кажущейся консолидацией турецкого правительства или более опасными признаками самоэмансипации, начинающей проявляться среди славян. Строя свой расчет на трусости и боязни западных держав, он запугивает Европу и идет в своих требованиях так далеко, как только возможно, чтобы затем показать себя великодушным, когда он впоследствии удовлетворится тем, чего он непременно хотел добиться.

С другой стороны, западные державы, несогласные между собой, трусливые и взаимно друг друга подозревающие, начинают сперва с того, что подбадривают султана оказать сопротивление царю, из боязни захватнических покушений со стороны России. Затем они заставляют его пойти на уступки, из страха перед всеобщей войной, которая могла бы дать первый побудительный толчок к всеобщей революции. Они слишком бессильны и чересчур подвержены страху, чтобы заняться переустроением наново Оттоманской империи путем создания греческой империи или федеративной республики славянских государств; они стремятся лишь к сохранению статус-кво, т. е. к сохранению того гнилого порядка, который не дает султану возможности размежеваться с царем, а славянам препятствует освободиться от султана.

Такое положение вещей может вызвать у революционной партии одно лишь удовлетворение. Унижение реакционных западных правительств и их очевидная неспособность защитить интересы европейской культуры от русской экспансии должны вызвать всеобщее негодование у наро-

дов, которые с 1849 года дали себя подчинить господству контрреволюции».

Все сказанное здесь можно, при желании, свести к еще более сжатой схеме: добиваясь выхода к Средиземному морю, Россия направляет свою экспансию на Турцию и захватами нарушает суверенную ее территориальную неприкосновенность, а западные державы настолько бессильны и запуганы, что стремятся лишь сохранить существующий порядок, — **вместо того**, чтобы, по Марксу, перекроить суверенную турецкую территорию путем создания на этой территории греческой империи или федеративной республики южнославянских государств.

Итак, снова: нарушение суверенитета Турции со стороны России называется агрессией и экспансией, поползновения же западных держав расчленить Турцию — защитой интересов европейской культуры (от русской экспансии). Снова — два масштаба, снова — две терминологии, для России одна, для Запада другая.

Отметим, что в приведенном резюме по восточному вопросу Маркс выражается несколько осторожнее и говорит об отторжении «отдаленнейших частей» Турции; но тем не менее он изображает и здесь это отторжение, как неуклонное стремление России к захватам, которое должно привести, предвосхищает Маркс, к падению Константинополя.

В отличие от того, что он утверждает в другом месте, Маркс указывает здесь, что сроки для русских вторжений как бы диктовались превентивной необходимостью пресечь либо возможное укрепление и усиление Турции, либо грозящую самоэмансипацию славян; о том, что для нападений на Турцию Россия выжидала наступления благоприятного момента (очередное замешательство у западных дипломатов) здесь не говорится ни слова. Для внимательного читателя остается невыясненным вопрос: выбирает ли Россия сама подходящий момент для нападения или срок для нападения диктуется страхом перед неблагоприятным для нее изменением положения в стане противника? В том, чтобы у читателя создалось ясное представление о сообщаемых ему фактах и событиях, Маркс, повидимому, совсем не заинтересован; наоборот, всякая недоговоренность, соблазнительная двусмысленность или неясность лишь повышает вероят-

ность того, что у читателя останется осадок неприязни к России, — а в этом Маркс именно и заинтересован.

В восточном вопросе Маркс явно стоит **на стороне Запада.** Его резкое осуждение западных держав **не есть осуждение Запада.** Наоборот, он порицает «реакционные» правительства западных держав за «неспособность защищать интересы европейской культуры от русской экспансии», за их страх перед войной с Россией, за их бессилие и боязнь взяться за расчленение и раздел Турции (во всяком случае европейской ее части), — т. е. **за недостаточно решительную агрессивность против Турции и России и,** в конечном итоге, за неспособность содействовать экспансионистскому стремлению «западной культуры» «обойти подобно солнцу, весь мир» и перешагнуть через «золотой мост» между Востоком и Западом. Но, вместе с тем, он отмечает с удовлетворением эту, «вызывающую негодование народов» жалкую роль «реакционных» западных правительств, связывая с этим, очевидно, надежды на ускоренное наступление столь желанной ему всеобщей революции; той революции, в которой «Россия натолкнется на своего настоящего противника», которая, сокрушив Западный Рим, «уничтожит также демоническое влияние Восточного Рима», и которая, — если раскрыть до конца смысл высказываний Маркса, — **по настоящему** поведет на Россию и против России агрессивное наступление «западной культуры» в ее экспансионистском стремлении «подобно солнцу, обойти весь мир» и «вдребезги разобьет русский колосс» (как Маркс выражается в другом месте).

К неизменной одинаковости и одностороннему постоянству русской политики и ее целей, особенно способов достижения этих целей, Маркс относит и традиционное будто бы использование приемов запугивания и застращивания, одурачивания и ослепления других своим могуществом. Эти усматриваемые им неизменные и характерные приемы русской политики он приписывает монгольскому происхождению современной русской государственности (о чем речь будет еще впереди). Но, вместе с тем, он пытается как бы «вскрыть» то **что** фактически побуждало русских правителей прибегать к такого рода приемам, и подбрасывает лукаво ехидным образом мысль о том, **не миф ли вообще** это пресловутое могущество России и значение ее, как великой державы, — с явным намерением возбудить, по меньшей мере, сомнения в

величии и могуществе России. Так, в одной из статей в «Фри Пресс» он пишет:

> «Европа была неоднократно захвачена врасплох сокрушительной силой влияния России, внушавшего страх западным народам. Ему покорялись, как чему то роковому; ему оказывали сопротивление лишь разобщенными, единичными и случайными усилиями. Но это матическое действие, производимое Россией, сопровождается постоянно возобновляющимся скептицизмом; этот скептицизм следует за ней,как тень, растет вместе с ней, примешивая острые нотки иронии к стонам агонизирующих народов и высмеивая ее действительное могущество, как зловещий фарс, разыгранный с целью ошеломления и надувательства. Другие империи вызывали в самом начале их возникновения подобные же сомнения; лишь одна Россия стала колоссом, не перестающим вызывать удивление. Россия — это единственное в своем роде явление в истории: страшное могущество этой огромной империи, даже после того, как оно проявилось в мировом масштабе, никогда не переставали считать чем то, относящимся скорее к области воображения, чем к области фактов. Начиная с конца XVIII века и вплоть до наших дней не было ни одного, желавшего прославить Россию, или, наоборот, осудить ее, автора, который счел бы воможным освободить себя от обязанности предварительно доказать существование этой империи».

Полемизировать с Марксом здесь нет никакой возможности: решительно все здесь, с начала до конца, представляет собой набор совершенно произвольных и голословных сообщений, указаний и утверждений; он не приводит ни единого доказательства или подтверждения, ни единой ссылки или иллюстрации (напр.: о каких «агонизирующих народах» он говорит? где они? кто они? кто эти авторы,считающие себя связанными столь странной по меньшей мере обязанностью? Утверждая такое, надо назвать имена, ибо одно лишь негативное утверждение «не было ни одного автора» по существу своему голословно. Но полемизировать с Марксом и нет никакой надобности: голословность его утверждений и в особенности их явно тенденциозный и предвзято-враждебный

тон и характер говорят сами за себя. Одурачивать и ошеломлять далекого, малоосведомленного американского читателя претенциозно-эффектной и лживой справкой из истории России, преподнесенной тоном «знатока истории» и «специалиста по вопросу» с целью оклеветать Россию и нанести удар ее престижу, — вот методы и приемы самого Маркса; об этих приемах он, повидимому, лишь потому так много рассуждает с видом знатока, что сам является опытным специалистом в одурачивании своих читателей.

Но вернемся снова к статьям Маркса в «Нью-Йорк Трибюн». В своих рассуждениях, посвященных разбору предшествовавших Крымской войне событий, он развивает аналогичные мысли. Он хвастается даже тем, как он просвещает своих американских читателей:

> «Читатели, которые с некоторым вниманием следили за статьями в «Трибюн», освещающими восточный вопрос, не могли быть ошеломлены» — сообщением Маркса — «о том, в чем в сущности проявляется русская экспансия. Они, правда, узнали, что мысль о превосходстве русской дипломатии стала действенно убедительной лишь благодаря наивности и трусливости западных наций и что вера в превосходство военной мощи России едва ли является меньшим заблуждением. Но, пожалуй, они едва ли были подготовлены к тому, что наш корреспондент» — (т. е. Маркс) — «прольет внезапно столь яркий свет на этот обманчивый мираж, показав этим, что последний является ничем иным, как заранее принятым в расчет элементом политики царского правительства. На запугивание Турции и поддерживающих ее Франции и Англии, как на достаточно пригодное средство, чтобы склонить их к принятию его требований, царь полагался до конца».

Запугивание, застращивание является таким образом, по Марксу, тем приемом, к которому **только и остается** прибегать императору Николаю I, так как больше не на что опираться, все остальное — «обманчивый мираж», нарочно и сознательно пущенная пыль в глаза всему миру; никакого реального могущества нет, поэтому и разыгрывается этот «фарс», чтобы надуть, обмануть и устрашить.

О тех же традиционных, по мнению Маркса, приемах и

методах русской политики он высказывается в другом месте следующим образом:

«...решающим моментом было то, что Николай полностью полагался на запугивание Турции и ее союзников. Это было очевидным в течение всех последних событий... Это был разбой по всей линии. Меньшиков [6]) появился и выступал в Константинополе попросту как тиран. Декларации Нессельроде [7]) были угрозами тирана. И вторжение Горчакова в княжества [8]) с одним единственным армейским корпусом не было ничем иным, как отважной надменностью тирана. Успех оправдывал все. Англия в особенности дала себя обмануть. Ею запугивали и сегодня еще запугивают. С самого начала до сегодняшнего дня она не смела объявить, что ее душа принадлежит ей самой. Франция также подвергалась застращиванию, хотя и не в столь сильной мере. Но обе державы вместе страшились той единственной политики, которая одновременно обеспечила бы мир и сохранила бы им чувство самоуважения. На надменность самодержца они ответили проявлением трусости. И они дали как раз поощрение той надменности, которую они столь осуждали, как трусы всегда придают разбойникам смелость для одержания победы. Если бы они с самого начала вели мужественную речь, как это им надлежит по их положению и по их притязаниям перед всем миром, если бы они доказали, что хвастовство и чванство им не импонируют, самодержец не только воздержался бы от своих попыток к этому, но проявил бы по отношению к ним также и иное чувство, чем то презрение, которое он теперь должен носить в сердце. Верным средством для сохранения мира в настоящее время было бы указание на то, что они серьезно заинтересованы в том, чтобы сохранить существование Турции, и что они готовы подкрепить свою волю последним правом королей — армиями и флотами. Имеется лишь один путь для общения с такой державой, как Россия, и это путь бесстрашия».

---

[6]) Российский чрезвычайный посол в Турции в 1853 году.

[7]) Российский министр иностранных дел.

[8]) Оккупация Дунайских княжеств Молдавии и Валахии русскими войсками под командованием князя Горчакова (летом 1853 года).

Здесь Маркс уже не ограничивается указанием на прием «запугивания», как на характерный метод русской политики; в стремлении всячески очернить Россию, ее государя и отдельных ее сановных деятелей, он прибегает, с неподдающейся сокрытию озлобленностью, уже к таким выражениям, как разбой, тиран, угрозы тирана, надменность, хвастовство, чванство. Истинный лик Маркса, всей своей озлобленной душой страстно ненавидящего и презирающего Россию, но все же ее страшащегося, выступает здесь все отчетливее и откровеннее. И он высокомерно поучает западные державы, как следует общаться «с такой державой, как Россия».

Объявление Турцией войны России и переход ее к открытым военным действиям против русских войск в занятых ими Дунайских княжествах дает Марксу повод снова вернуться к излюбленной его теме о каверзных приемах русской политики. Вот что он пишет:

> «В Санкт-Петербурге никто не думал, что открытые военные действия начнутся столь скоро. Объявление войны султаном, как и непосредственно затем последовавшая переправа через Дунай, целиком захватили врасплох русских в Букаресте и в С.-Петербурге. Царь и его советники до самого конца были уверены в том, что запугивания Турции и ее защитников достаточно для того, чтобы заставить их внять его требованиям. Теперь Николай должен был убедиться в своем заблуждении... Император никогда по-настоящему не хотел войны и сегодня еще не хочет ее. Он говорит, что он никогда не пойдет на то, чтобы Англия и Франция могли принудить его к этому».

И дальше:

> «Россия, оставаясь верной старой азиатской системе жульнических мелких трюков, ныне играет с легковерием западного мира и распространяет слух, будто царь «как раз с большой поспешностью послал в Вену курьера с заявлением, что он добровольно и полностью принимает все условия посредничающих держав», как к несчастью «он узнал об объявлении войны Портой» [9]). Тогда, естественно, Бог русских взял обратно все когда либо сделанные уступ-

[9]) Правительство Турецкой империи.

ки и воскликнул, что «ничего другого не остается, как война, и притом война не на жизнь, а на смерть». Получается таким образом так, будто султан вынудил царя начать войну. . .»

Помимо повторного указания на приемы «запугивания» и, кроме того, еще на **«старую азиатскую систему жульнических мелких трюков»,** в приведенных отрывках обращает на себя внимание скрытое в них противоречие: в одном месте Маркс утверждает, что Николай I не хотел и не хочет войны, а в другом он язвительно замечает, что «получается таким образом так, будто султан вынудил царя начать войну», — значит, в действительности Николай I все же сам стремился к войне?

Несколько позже, уже после разгрома адмиралом Нахимовым турецкого флота в морском бою под Синопом, Маркс пишет:

«Положение в настоящее время сложилось таким образом, что мы склонны пойти по пути наших пожеланий и предсказать мир. Решить вопрос о мире остается делом царя, а он заинтересован в мире. Сохранить престиж его дипломатии и славу его оружия гораздо легче и вернее в мирной обстановке, чем во время войны. После одержанной Нахимовым победы на море он мог прекратить борьбу; в его активе числилось все же больше, чем всего лишь равная доля в одержанных победах. Общее разделение Европы[10]) таило бы в себе возможность потерь и даже разгрома, как для него, так и для Турции; даже в том случае, если бы он одержал победу, она обошлась бы ему дороже, чем новое повторное приобретение дальнейшего могущества и влияния. Система запугивания во много раз дешевле фактического ведения войны, — это нам показал случай с немногочисленной армией под командованием Горчакова[11]).

---

[10]) Неизбежное, по мнению Маркса, разделение Европы на два воюющих лагеря в случае общеевропейской войны, когда «ни одной второстепенной или третьестепенной державе не удастся сохранить нейтралитет». Предсказание Маркса, как известно, не осуществилось: в войне участвовали лишь Россия, с одной стороны, и Турция, Франция, Англия и Сардиния, с другой стороны.

[11]) Оккупация русскими войсками летом 1853 года Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии.

Поэтому имеются значительные шансы на то, что некоторые уже намеченные или еще имеющие быть предложенными зимой планы будут реализованы. Русские попытки покушаться на чужие права в Европе, с одной стороны вызываемые бесцеремонной надменностью, с другой стороны поддерживаемые слабостью и малодушием, будут тогда снова ограничены рамками дипломатии и интриг.

Нельзя забывать о тех, добавляет Маркс, кто утверждает, «что России принадлежит будущее, Западной же Европе лишь прошлое. В России у этого деспотического правительства, у этой варварской расы имеется налицо такая энергия и активность, которых тщетно было бы искать у монархий более старых государств».

Предсказывая мир [12]), Маркс основывает свои предположения на том, что сама Россия заинтересована в мире, — ей выгоднее «покушаться на чужие права», используя для этого мирные способы воздействия («запугивание»), и конечно, с «бесцеремонной надменностью»; это дешевле и нет риска потерь и разгрома.

Недоговариванием и противоречиями, не сразу обнаруживаемыми за разбросанностью его утверждений по целому ряду статей, Маркс напускает на читателя **соблазнительный туман двусмысленных неясностей,** в котором последнему трудно, или даже почти невозможно добраться до самостоятельных критических выводов, что Маркс, наверно, счел бы ненужным и нежелательным. Зато в памяти читателя, у которого возможно и не будет особого интереса разобраться в этом тумане, сохранится, вероятно, представление о России, как державе по самому существу своему агрессивной, добивающейся осуществления своих экспансионистских вожделений любыми непристойными и варварскими способами, — а это именно только и нужно Марксу.

«Предсказывая» мир, т. е. восстановление положения, при котором «русские попытки покушаться на чужие права» будут снова ограничены «рамками дипломатии и интриг», Макс **опасается,** однако, того, что при таком положении все

---

[12]) Предсказание Маркса оказалось ошибочным: в марте 1854 года Франция и Англия, а затем и Сардинское Королевство, объявили войну России.

преимущества будут на стороне «варварской расы» и «деспотического правительства» России, которой и будет «принадлежать будущее», так как у Запада не имеется ничего равноценного, что он мог бы противоставить энергии и активности русских. Поэтому Маркс несомненно предпочел бы, чтобы Россия была сокрушена в результате общей войны западных держав против России. Но, вследствие «слабости и малодушия» западных держав, Маркс, очевидно, сам не верит в то, что они могли бы одержать верх над Россией и ее могуществом, — хотя, по его мнению, могущество это является лишь «обманчивым миражем». И вот, раз сокрушить Россию не представляется возможным, Маркс и склонен «пойти по пути **наших пожеланий** и предсказать мир», — т. е. попросту **предпочесть мир.** Но поневоле предпочитая таким образом мир, он «не обескураживается», утешая себя тем, что найдется, в конце концов, управа и на это «деспотическое правительство» и на эту «варварскую расу», т. е. не только на ненавистный ему режим императорской России, но и на русский народ. Вот что он пишет вслед за этим упоминанием о «деспотическом правительстве» и «варварской расе» России:

> «Но если мы рассмотрим немного глубже причину этой относительной слабости [13]), то мы должны прийти к выводу, что слабость эта не обескураживающая. Западная Европа слаба и боязлива, потому что ее праяительства чуют, что они отжили свой век и что их народы больше не верят в них. Народы стоят над своими властителями и больше им не доверяют. Они не глупы по настоящему; но в старых сосудах бродит новое вино. Создание более достойных и более уравновешенных социальных отношений, упразднение каст и привилегий, введение свободных государственных конституций, установление свободного хозяйства и обеспечение свободы мысли, все это приведет к тому, что западные народы обретут снова единство и способность к волевым решениям, в то время, как прогрессивное развитие масс и взрывчатая сила идей вдребезги разобьют русский колосс».

Установлением либерально-демократического режима в западноевопейских государствах (революционным ли путем

[13]) Западных держав.

или в порядке мирных реформ — Маркс не договаривает) будет преодолена, по его мнению, слабость и малодушие Запада, народы Запада преодолеют нерешительность и обретут снова единство. Но в отношении России та же либерально-демократическая, а может быть и социальная эволюция, — или скорее революция, раз идет речь о «взрывчатой» силе идей, — будет иметь (и должна иметь, как Маркс на то надеется) совсем иные, даже явно противоположные последствия: она «**разобьет вдребезги русский колосс»;** иными словами, сокрушит и уничтожит эту внушающую страх «полуазиатскую» державу, именуемую Россией. И именно Россию, как таковую, а вовсе не только ее т. наз. «царский режим», который Маркс безапелляционно называет «деспотическим», — Россию, как исторически выросший живой организм русского народа. Об этом свидетельствует с недопускающей никаких сомнений очевидностью пронизанное насквозь нескрываемой ненавистью **одновременное упоминание наряду** с деспотическим правительством также и варварской расы, т. е. русского народа, проявляющего столь беспокоющую Маркса энергию и активность.

Мы уже отмечали, что у Маркса существуют две терминологии, два масштаба для оценки фактов и событий, раздельные и отличные для Запада и дляРоссии. Так и здесь, когда он говорит о политической или даже социальной эволюции, а вернее революции. Революция — **либо во спасение,** когда надо спасать и укреплять западную Европу (а ее, конечно, надо спасать), — **либо на погибель,** когда речь идет о России (ибо Россию, естественно, надо погубить, согнуть в три погибели, расчленить, поглотить, а лучше всего, пожалуй, если только возможно, вообще стереть с лица земли).

В своих попытках возвести всякую хулу и поношение на «варварскую» Россию, одновременно со стремлением всячески унизить и дискредитировать ее достоинство, выставляя на всеобщее посмешище ее «относящиеся скорее к области воображения» могущество («обманчивый мираж», «зловещий фарс»), Маркс прилагает особенное старание еще и к тому, чтобы очернить и представить в самом отталкивающем виде личность императора Николая I. Он не только без устали говорит о «надменности», «заносчивости», «высокомерии», «хвастовстве» и даже «подлости» этого «варварского само-

держца», указывает на «черствость и чванство, которые характеризуют вообще отношение царя к восточному вопросу», возмущается «наглой нотой московитянина», но он, вдобавок, стремится еще вызвать у читателя представление о крайне ограниченных вообще умственных способностях императора Николая I: когда военные события приняли неблагоприятный для России оборот, Маркс утверждал, что

> «лишь чудо может ему — (Николаю I) — помочь выбраться из затруднений, которые теперь угрожают ему и России в результате его высокомерия, его поверхностности и его глупости».

В другом месте Маркс говорит о проявляемом императором Николаем I

> «не поддающемся описанию ослеплении, которое на деле не так уж далеко от тупоумия»;

и в конце концов, он договаривается уже до настоящих непристойностей, возражая тем, кто восхваляет умственные дарования императора Николая I:

> «Известного рода писаки хотели усмотреть у императора России наличие необыкновенной силы ума и, в особенности еще, наличие дальновидной, широкого охвата, силы суждения, — этой отличительной черты подлинно великого государственного деятеля. Трудно уразуметь, каким образом правдивое изучение его характера и любой эпохи его царствования могло бы дать повод предаваться подобного рода иллюзиям. Но даже самому наиупрямейшему из его почитателей следует теперь, полагаем мы, подвергнуть проверке правильность своих суждений. Россия оказалась теперь в трудном и весьма пристыженном положении... И все это было дело рук этого великого государственного деятеля и мудрого государя Николая I. Восхваление умственных способностей туполобого царственного остолопа следует поэтому значительно умерить, если не отказаться вообще от него».

Это уже просто грубая и хамская брань, та брань, которая впоследствии прочно вошла в словарь «дипломатического» языка последователей и учеников Маркса, марксистских

дипломатов современного марксистского государства. Но в статьях Маркса достается не только одному императору Николаю I. Так, например, о Нессельроде, российском министре иностранных дел, Маркс говорит, что его

> «декларации ... были угрозами тирана»,

а его дипломатическую ноту от 11 июня 1853 года он называет

> «бесстыдной смесью надменности, изощренности и подлинного варварства».

Меньшиков выступал в Константинополе

> «попросту как тиран».
>
> С «отважной надменностью тирана»

действовал Горчаков при оккупации Дунайских княжеств.

Приведенные нами выдержки из статей Маркса в «Нью-Йорк Трибюн» дают уже достаточно наглядное представление о крайне отрицательном , пренебрежительно-высокомерном и даже враждебном его отношении к России и к русскому народу. Но прежде чем перейти к ознакомлению с его статьями в лондонской «Фри Пресс», в которых его злобная ненависть к исторической России и презрение к русским обнаруживаются с еще большей наглядностью и выразительностью, мы приведем еще один отрывок из его статей в «Нью-Йорк Трибюн», ознакомление с которым, представляется нам, должно пролить еще более яркий свет на тот специфический для Маркса метод, которым он пользуется, когда преподносит своим читателям свои «информации» о русских и России. Высказываемые суждения и общий тон изложения в этом отрывке значительно более сдержанны; этим достигается чисто внешнее впечатление незаинтересованной объективности автора. Но зато в построении всей статьи и в хитросплетениях при подборе чередующихся положительных и отрицательных отзывов скрыт затаенный и преднамеренный умысел Маркса — обесславить, дисквалифицировать, унизить, представить в жалком и даже презренном виде русских солдат и полководцев, русскую армию и военное могущество России, — ибо о них идет речь в этом отрывке. Вот

что пишет Маркс:он начинает свои рассуждения, цитируя слова Державина (повидимому из одного из его стихотворений), смысл которых примерно заключается в том, что русским никаких союзников не нужно, что русским лишь следует шагать вперед и тогда все (или весь свет) окажется в их власти. (Подлинный русский текст нам не удалось восстановить. Стихотворение Державина, содержащее цитированные Марксом строки, по-видимому не вошло в использованное нами при поисках подлинника собрание стихотворений Державина, изданное в 1958 году в Москве Государственным Издательством Художественной Литературы).

И затем Маркс продолжает:

> «Времена, повидимому, изменились с тех пор, как Державин, прославленный поэт Екатерины II, мог обратиться к своему народу с этим гордым призывом. В то время русские действительно гигантскими шагами продвинулись вперед. Весь Юг, или Новороссия, от Дона до Днестра, и вся западная Россия, от Днестра до Немана, были присоединены к Империи. Основаны были Одесса, Херсон, Харьков, Екатеринбург [14]) и Севастополь. И действительно, покуда «Великой Нации» Востока не приходилось вести борьбу с более опасными врагами, чем турецкие янычары и польские добровольцы, до тех пор казалось, что каждый поход означает завоевание и что любое объявление войны уже обеспечивает скорейшее заключение мира и подписание блестящих мирных договоров. Правда, русским легионам был при Цорндорфе преподан ужасный урок, когда они отважились выйти за пределы их собственной, им благоприятной и выгодной территории. Правда, их спасло от еще более тяжкого поражения при Кунерсдорфе лишь вступление в бой австрийца Лаудона. Правда, даже сам Суворов встретился в 1798 и 1799 годах с равноценным противником в лице Массена и должен был дорого заплатить за свои итальянские победы поражением при Цюрихе и фатальным отступлением через Сен-Готард. Однако, несмотря на все это, время Екатерины и Суворова была великой и прославленной эпохой русской державы, никогда больше она не до-

---

[14]) Маркс имеет в виду, очевидно, не Екатеринбург (Свердловск), а Екатеринослав (Днепропетровск).

стигала подобного блеска. Под Аустерлицем и под Фридландом превосходство французской армии над русской стало вполне очевидным; и если русская армия под Эйлау была избавлена от подобной же беды, то лишь вследствие того, что Лесток с остатками прусской армии оказал ей ту же услугу, которую оказал ей Лаудон пр Кунерсдорфе. У Бородина она была побеждена численно уступавшими ей французами; и если бы Наполеон не оставил в резерве свои гвардейские полки, поражение было бы окончательным. Сражения, в которых русские бились во время французского отступления из Москвы, принесли на много больше славы французам, чем русским. А в походах 1813 и 1814 годов немцы оказались теми, кто должен был не только пополнять численную мощь армий и сдерживать первый удар в каждом сражении, но также поставлять еще и генералов, которые могли составлять планы этих сражений.

Что касается походов против Наполеона, все же следует сказать, что быть побежденным тем, кто сам по себе уже равноценен целой армии, никак не является чем-то позорным. Но когда поход 1828—1829 гг. против турок и поход 1831 года против Польши показали, сколько времени, какого численного превосходства и каких больших усилий потребовалось русским для того, чтобы преодолеть противников значительно менее серьезных, чем Наполеон и его прекрасно испытанные войска, тогда стало очевидным, что военная слава русских потерпела крушение. Нельзя отрицать, что именно в то время, когда русское влияние на европейскую политику было сильнее, чем когда бы то ни было, действительная боеспособность русской армии менее всего оправдывала такую политическую позицию. И хотя в результате событий 1848—1850 гг. влияние России возвысилось настолько, что она действительно стала арбитром и защитником всех европейских стран к востоку от Рейна, все же венгерский поход оказался для русского генерального штаба безусловно постыдным: этот поход, который, казалось, способствовал приобретению Россией такого всемогущества, не принес ни единой новой странички славы «непобедимой» русской армии.

Эта «молодая, сильная, неотразимая нация», этот «народ будущего», как русские скромно себя называют, достиг

своего кульминационного пункта развития в военном отношении и был даже уже в стадии упадка, когда разразилась теперешняя война. Считалось, что русская армия представляет собой внушительную военную силу по выносливости и надежности ее пехоты, хотя многие недостатки и сводили на нет, если не более, эти преимущества. Она производила сильное впечатление численностью своего состава, несомненно готового в любой момент быть брошенным на войну, и сковывающим воедино эту огромную махину безусловным ее повиновением. Но, увы, во что превратилась эта могущественная армия, эта «суровая реальность», которая так запугивала западную Европу? Из восьми ее корпусов, три корпуса находились на Дунае под постоянной угрозой ударов со стороны тех сил, которые туркам удалось противопоставить им; а когда началась Крымская война, то дивизия за дивизией, корпус за корпусом были вовлечены в эту ненасытную пучину, выбраться из которой им уже никогда не удалось. И действительно, силы армии были истощены вплоть до резервов и отборных частей. На помощь прирожденной храбрости русского солдата, как и его прирожденной беспомощности, пришло умение растормошить людей действительно одаренного человека — Тотлебена. Упущения и ошибки союзных генералов благоприятствовали возможности использовать это умение. Благодаря этому оказалось возможным организовать пассивную оборону, прославленную и даже единственную в своем роде, и выдержать осаду полных одиннадцать месяцев. Но где бы только русские не пытались взять на себя инициативу, безразлично против какого рода противника, им ни разу не удалось добиться ни одного единственного действительного успеха, ни одной единственной победы, они терпели непрестанно позорные поражения.

Помимо невероятной храбрости, проявленной французскими и английскими солдатами, — в некоторых случаях также и турками, — вся эта война дала союзникам не очень много поводов для хвастовства. Со дня сражения на Альме до сегодняшнего дня их генералитет был более чем безучастным, и ни разу они не воспользовались представившимися благоприятными случаями. Но такие дни, как при Инкермане и Черной, доказывают неоспоримым образом превосходство западных армий над русской, в то время

как отбитые атаки на Силистрию и Карс показывают, что при известных условиях даже турки отнюдь не являются для русских малосерьезным противником. Отличительной чертой этой войны было то, что число рукопашных боев за эту войну было больше, чем за время всех наполеоновских войн вместе взятых. Войска не только участвовали в боях, но они действительно друг с другом боролись, даже в открытом поле. Повсюду последнее решающее слово было за штыком. Но вот, как раз штык, «русский штык», всегда был большой гордостью русских. И как раз от штыка русские терпели каждый раз поражения, даже от численно им уступающего противника. «Русский штык» принадлежит былым временам; и солдаты, которые должны были отходить от Силистрии и Карса, и даже от небольшого предмостного укрепления у Ольтеницы, уже не те, что брали Ахалцых, Эрзерум и Варшаву, и уже совсем не те, которые позволили Суворову штурмом овладеть Измаилом и Прагой.

«Шагай вперед, Россия!» — это горькая насмешка над отступающими солдатами, шагающими через мост из южного в северный Севастополь».

Метод, при помощи которого Маркс рассчитывает здесь добиться преследуемой цели — разоблачить «дутую» славу русской армии и «мнимые» достоинства русских солдат и полководцев — по существу своему очень прост.

Замалчивать, а тем более отрицать прославленные и общеизвестные успехи русского оружия нет никакой возможности, — это подорвало бы доверие к автору даже у сравнительно малоосведомленного читателя, и лишило бы его утверждения убедительности. Поэтому и не следует замалчивать общеизвестное или отрицать очевидное. Наоборот, надо определенно даже указывать, быть может даже повторно, на эти, якобы несомненные, успехи, достоинства, качества. У не слишком внимательного читателя (а много ли тех, кто внимательно читает газетные корреспонденции?!) создастся впечатление не только вполне добросовестной, но, пожалуй, даже и доброжелательной (!) объективности. Но при этом следует, — и в этом и заключается трюк Маркса, — сразу же ловко подсунуть всякого рода справки, умаляющие значение только что высказанного, «компрометирующие», часто сом-

нительные, а иногда просто неверные, сообщить интересные подробности, привести соблазнительные противопоставления, снабдить все это соответствующими комментариями, — и все это для того, чтобы указать читателю на то, что величие, правда, было, но было в прошлом, в неповторимом (можно даже подпустить словечко «увы») прошлом; чтобы разъяснить, что слава и успехи в сущности не так то уж велики и что придавать им серьезного значения, конечно, не следует; чтобы изобразить эти успехи, по возможности, просто жалкими и даже постыдно-презренными (успехи-де были легкие, противники были несерьезные, да часто помогали и союзники, участие которых собственно говоря, и решало исход сражений, к тому же враг не всегда использовал все свои силы и т. п.).

Вот к этому и сводится применяемый Марксом метод, при помощи которого он стремится вызвать в воображении читателей ряд тенденциозно-искаженных представлений, долженствующих подтвердить мысль о том, что могущество России — это ничто иное,как «зловещий фарс», «обманчивый мираж». Эта тенденция «снизить и унизить» красной нитью проходит через вышеприведенные высказывания Маркса. В этом нетрудно убедиться, если, внимательно проанализировав их, воспроизвести таковые в следующем схематическом пересказе:

Славный век Екатерины. Россия победоносно шагает от завоевания к завоеванию, не нуждаясь в союзниках, но. . .

> противники-то несерьезные (можно ли гордиться легкими победами над какими-то турками и поляками?!);
>
> еще при Цорндорфе русских «проучили»!!, а при Кунерсдорфе их спасли-то австрийцы! (какая же это «победа»???).

Суворов одержал победы в Италии, но. . .

> и дорого же он заплатил за это поражением при Цюрихе!

Конечно, время Екатерины и Суворова было славной эпохой, но. . .

> ведь все это в прошлом, это никогда (!) не повторится;

Аустерлиц и Фридланд показали превосходство французов;
а под Эйлау русских вообще-то спасли от разгрома какие-то остатки прусской армии;
у Бородина-то победили французы, численно даже уступавшие русским!!!

Правда, у Бородина русские все же не были окончательно разбиты, но...

Наполеон-то не ввел в бой свою гвардию.

Да, французы должны были оставить Москву, но...

бои при отступлении принесли славу французам, во много раз большую, чем русским.

Походы 1813—1814 годов (Здесь Маркс вообще умалчивает об успехах русского оружия), но ...

немцы сдерживали первый удар во всех сражениях, немцы «поставляли» умеющих составлять планы сражений генералов
(у русских, конечно, таких не было)

Терпеть поражения от Наполеона, это, конечно, не позор, но...

каких трудов стоило русским одолеть каких-то турок и польских повстанцев! (не правда ли, это уже позор!)

Военное могущество России? Ну да, оно, конечно было, но...

когда?! Увы, во что превратилась эта могущественная армия!

Прирожденную храбрость русского солдата отрицать, конечно, нельзя, но...

ведь известно, что он отличается прирожденной беспомощностью
(какая же польза тогда от храбрости?!)

Влияние могущества России достигло небывалых размеров, но...

боеспособность русской армии уже не оправдывает этого (это же «обманчивый мираж»).

— И так далее, — и в заключение:
«шагай вперед, Россия», по пути собственного своего отступления!

Обратимся теперь к статьям Маркса в лондонской «Фри Пресс». Мы уже приводили выдержку из одной из этих статей, в которой он говорит о могуществе России, как о «зловещем фарсе», разыгранном с целью надувательства, как о чем то, «относящемся скорее к области воображения, чем к области фактов». Приведем теперь и дальнейшие слова Маркса, которыми он заканчивает эти рассуждения:

«Но будем ли мы судить Россию с точки зрения материалистов или спиритуалистов, будем ли мы рассматривать ее могущество как осязаемую реальность или как химеру несознательности европейских народов, вопрос нисколько от этого не меняется: каким образом это могущество (или, если угодно, фантом могущества) достигло таких размеров, что могло породить такие крайне противоречивые суждения: одни были твердо уверены в том, что Россия угрожает миру возвратом к всемирной монархии, другие яростно оспаривали это?»

Ответ Маркса мы найдем в тех его статьях, в которых он толкует о якобы монгольском происхождении русского могущества и русской государственности. Ознакомимся же с этгоо могущества и его дальнейшее возрастание и усиление.

Он предварительно оговаривается, что

«политика первых князей из рода Рюрика решительно отличается от политики современной России...»

Это единственное допускаемое им исключение из общего его тезиса об одинаковости и однородности русской политики на протяжении всей истории России. С его точки зрения это и понятно: период первых князей из рода Рюрика — это домонгольская эпоха в истории России, предшествовавшая татарскому игу; тогдашняя Русь еще не испытала пагубного варварского влияния монголов, но, наоборот, зарождалась, развивалась и росла, руководимая и ведомая князьями-варягами, т. е. норманнами, принадлежащими к германской расе, соучаствовавшей в возведении здания «западной культуры» [15]).

---

[15]) Маркс придерживается т. наз. «норманской теории» происхождения русского государства. Мы не разделяем точку зрения историков-норманистов, правильность которой оспаривал еще Ломоносов. Науч-

Но этому единственному исключению в истории русской политики наступил конец, когда

> «Россия норманнов полностью сошла со сцены, и едва заметные следы этого периода стушевались перед наводящим ужас появлением Чингисхана. Не в суровом героизме норманской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Московия, и современная Россия является не чем иным, как преобразованной Московией. . .»

Отметим здесь это противоставление: «суровый героизм норманской эпохи» и «кровавая трясина монгольского рабства». Норманны или монголы — и **ни слова о каком либо значении самих русских славян, русского народа,** как фактора, самостоятельно определявшего образование русского государства или влиявшего на него. С обычным для него высокомерным пренебрежением, Маркс вообще даже не удостаивает русских какого либо упоминания.

Но приведенные последние две цитаты — это только как бы предварительные замечания Маркса; по существу же вопроса он высказывается следующим образом:

> «Иван I Калита и Иван III, прозванный Великим, олицетворяют оба Москву: Иван I — Москву, возвысившуюся под господством татар, Иван III — Москву, ставшую независимой державой в результате исчезновения татарского владычества. К истории этих двух личностей сводится вся московитская политика с момента ее появления на исторической арене...
>
> Система политических методов Ивана Калиты может быть выражена в нескольких словах: макиавеллизм раба, желающего противозаконно захватить власть. Его собственная слабость — то состояние рабства, в котором он пре-

---

ная борьба против норманской теории ведется давно. Особенно ценна в этом отношении вышедшая еще в 1876 году книга Гедеонова «Варяги и Русь». Беспристрастный обзор полемики в этом вопросе и новые научные открытия приводят к отрицанию норманской теории. Чрезвычайно ценная научная работа в этом смысле проведена в русской эмиграции, о чем свидетельствует недавно вышедший, побуждающий к дальнейшим исследованиям, крайне интересный и весьма обстоятельный труд: Наталья Ильина — «Изгнание норманнов». Очередная задача русской исторической науки». Париж. 1955.

бывает — приобретает у него значение движущего начала его силы...

Не путем нанесения смелого и решительного удара Иван III освободил Москву от татарского ига, а путем упорно-терпеливой двадцатилетней работы в этом направлении. Он не сломил это иго, но добился освобождения от него обманными, окольными путями. Поэтому это освобождение похоже скорее на явление природы, чем на дело рук человеческих. Когда татарское чудовище дошло до своего последнего издыхания, Иван появился у ложа умирающего, как ставящий диагноз врач, предвидящий близкий конец, а не как воин, наносящий последний удар.

Любой народ, после освобождения от иностранного ига, кажется возвысившимся. Из рук Ивана Московия вышла еще более униженной. Достаточно сравнить Испанию в ее борьбе с арабами с Московией в борьбе против татар, чтобы убедиться в этом.

Еще сегодня небезытересно отметить, какие усилия прилагала Московия — совсем как современная Россия — для борьбы с республиками: первым этапом этой борьбы был Новгород и его колонии, затем последовала республика казаков и последним этапом была Польша... Цепи, которыми монголы удерживали в рабстве Москву, Иван вырвал у них, повидимому, лишь для того, чтобы ими связать русские республики...

Стоит лишь произвести простую замену имен и дат, и мы получим очевидное доказательство того, что между политикой Ивана III и политикой современной России не только существует сходство, но их объединяет полная тождественность. Что касается Ивана III, то он лишь усовершенствовал традиционную политику Московии, завещанную ему Иваном Калитой. Раб монголов, Иван Калита добился своего могущества, направляя силу своего главного врага — татар против своих более мелких врагов, русских князей. Использовать эту силу он мог лишь под ложными предлогами. Перед своими господами он должен был скрывать могущество, которое он в действительности приобрел, а своих подданных, таких же рабов, как и он сам, ему необходимо было ослеплять могуществом, которым он не располагал. Чтобы разрешить эту проблему, ему необходимо было поднять до уровня целой системы все хитрости наиот-

вратительнейшего рабства и применять и развивать эту систему с упорным терпением раба. Даже открытое насилие он мог применять лишь в качестве интриги в целой системе интриг, подкупов и тайных захватов. Он не мог наносить ударов своему противнику, не отравив его предварительно. Преследование единой цели соединялось у него с двурушничеством в действиях. Приумножить свое могущество мошенническим применением вражеской силы, ослабить эту силу при ее использовании и, в конце концов, уничтожить ее после того, как она послужила в качестве орудия, — эта политика была внушена Ивану Калите особым характером господствующей расы и в той же мере и характером порабощенной расы. Политика, проводимая им, была также политикой, которой придерживался Иван III. И эта же политика была политикой Петра Великого, она же — и современной России, хотя изменилось и название, и страна, и характер одураченной вражеской державы. Петр Великий в самом деле является изобретателем современной русской политики, но он стал таковым единственно в силу того, что он лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, очистил его от присущих ему побочных тенденций, придал ему характер абстрактной формулы и обобщающим образом определил его цели. Благодаря ему, желание сломить лишь некоторые, ограничивающие пределы властвования, преграды преобразилось в экзальтированное стремление к неограниченному властвованию. Современная Россия создана была Петром Великим не в результате завоевания нескольких провинций, а приданием всеобъемлющего значения принципам московитской системы.

Короче говоря: монгольское рабство было той ужасной и гнусной школой, в которой сложилась и возвысилась Москва. Она добилась своего могущества лишь благодаря тому, что достигла виртуозности в искусстве раболепствовать. Даже после своего освобождения от монгольского ига, Москва, даже под личиной хозяина, господина, продолжала играть свою традиционную роль раба. И, в конце концов, Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым честолюбием монгольского повелителя, которому Чингисхан завещал миссию завоевания мира . . .»

Прежде всего вспомним, что еще в самом начале приведенных рассуждений и высказываний, упоминая Ивана Калиту и Ивана III, Маркс сам оговорился, что «к истории этих двух личностей сводится вся московитская политика...», что оба они «олицетворяют собой Москву». Он соответственно и основывает свой обзор истории политики московского государства на описании и характеристике деятельности этих двух русских государей. Говоря об Иване Калите и Иване III, он, таким образом, имеет в виду вообще Россию той эпохи, а не только ее государей, как таковых. Такой способ изложения, при котором он как бы «персонифицирует» ход исторических событий, мы уже неоднократно встречали и в ранее приведенных цитатах. Поскольку речь идет о рассуждениях на исторические темы самого Маркса, т. е. основоположника теории современного исторического материализма, не трудно догадаться, что мы имеем здесь дело всего лишь **с чисто литературным премом,** видимо для образности изложения постоянно применяемым им в этих газетных статьях и корреспонденциях.

И поэтому не забудем: **все суждения Маркса о русских князьях и царях являются по существу суждениями о самой России и русском народе.** Так, несомненно, понимал это и сам Маркс.

К чему же сводятся приведенные только что, с позволения сказать, суждения Маркса о русской истории? Отметим, в первую очередь, повторное и настойчивое внушение читателю мысли о неизменной одинаковости русской политики: по всей линии полное тождество, по всем этапам: Иван Калита — Иван III — Петр Великий — современная (Марксу) Россия. И тождество это проявляется в неизменном одурачивании, надувательстве и обмане вражеских стран. Дословно упоминая одно лишь это одурачивание и надувательство, Маркс как бы подчеркивает, что именно к нему и сводится, если и не исключительно, то во всяком случае преимущественно и главным образом, основной постоянный элемент неизменной на протяжении веков русской политики. Маркс другого не видит или не хочет видеть, не отмечает и, конечно, не хочет отмечать и упоминать. Не отмечает он вековую упорную борьбу, с мудрой выдержкой, волевым терпением и величайшим напряжением всех сил народа и государства — сначала за объединение русских земель, за освобождение их

от ига монголов, затем за освобождение российских окраин от набегов, покушений и нападений со стороны соседних враждебных народов и племен, за укрепление, внутреннее и внешнее, могущества страны, за государственно необходимые естественные границы, за величие, достоинство и обеспеченное от вражеских покушений благоденствие России и русского народа. Нет, не эту борьбу, не это, красной нитью почти непрерывно через всю русскую историю проходящее, мудрое, патриотическое и продиктованное историческими и географическими обстоятельствами стремление добиться для русского народа таких условий, которые бы отвечали его жизненным, насущным национальным интересам, — нет, **не это отмечает Маркс,** не это он выделяет; и если даже он полностью не может отрицать слишком явное, слишком очевидное, он все же старается по возможности умолчать об этом. **А выделяет он другое:** обман, одурачивание, надувательство — вот что решающим образом характеризует политику России, а следовательно и самую Россию и русский народ. Какие только приемы и характеристики он не перечисляет: макиавеллизм, обманные и окольные пути, ложные предлоги, хитрости наиотвратительнейшего рабства, интриги, подкупы, тайные захваты, двурушничество, мошенничество, раболепствование, одурачивание, ослепление несуществующим могуществом... Но — никакого героизма, никаких смелых ударов, никаких решительных и отважных поступков и действий. Маркс и подчеркивает, что «не в суровом героизме норманской эпохи» зародилось московское государство; как будто без благотворного влияния норманнов, этих «европейцев», у русских славян вообще никакого своего героизма не могло быть. Но по Марксу это несомненно так.

Мы уже отмечали тенденцию Маркса замалчиванием как бы отрицать вообще какую либо самостоятельную роль русских славян. Русские в представлении Маркса — это вообще скорее «объект» для воздействия других, самостоятельных народов. Поскольку норманское влияние «сошло со сцены» и «стушевалось», постольку, полагает Маркс, все в дальнейшей истории России следует приписать монгольскому влиянию; **своего, собственно русского, ведь не было ничего, что стоило бы упоминать,** — вот точка зрения Маркса. И вполне последовательно он и развивает дальше свои мысли: татарское иго привело к тому, что русские ус-

воили типичные монгольские черты, а также и монгольские приемы властвования и раболепствования — угнетение и унижение, обман и хитрость, притворство и коварство, и т. д.; и все это заимствование проходит в условиях длительного рабства, а рабская психология порабощенных русских способствовала тому, что все эти воспринимаемые русскими черты и свойства, привычки и приемы, приобретали еще более отвратительный и гнусный облик. Маркс указывает, что специфическая политика Ивана Калиты была последнему внушена не только «особым характером господствующей расы», но в той же мере и характером «порабощенной расы». Маркс, правда, не дает здесь своего определения характера этой «порабощенной расы», т. е. русских, но из соответствующего контекста вытекает с достаточной ясностью, что Маркс имел в виду: русские — не только «порабощенные», они, во всяком случае, в значительной мере, вообще рабы по своей природе, неспособные к открытым героическим и смелым действиям и поступкам, предпочитающие для достижения своих целей идти обманными и окольными путями.

Подлинный смысл всех этих рассуждений Маркса можно формулировать весьма кратко. Русские, эта раса чуть ли не рабов по природе, проходят как бы высшую школу рабства под игом татар, этих изощреннейших мастеров порабощения; но не только школу пассивного раболепствования, — они научаются также и мастерству активного порабощения других; затем они с рабским терпением трусливо выжидают наступления часа естественной смерти поработившего их «татарского чудовища» [16]), чтобы по монгольскому образцу (единственному, чему они, видимо, вообще научились) насадить еще худший рабский режим в своей собственной стране (как на это указывает Маркс: после освобождения московское государство вышло из рук Ивана «еще более униженным»).

Вот в каком свете Маркс преподносит своим читателям русскую историю. С безмерной тенденциозностью он описывает методы политики Ивана Калиты, стремясь изобразить их в отвратительнейшем виде. Но ни слова он не упоминает

---

[16] Отметим здесь еще полное умолчание Марксом всех попыток активного, вооруженного сопротивления татарам, умолчание открытой военной борьбы за свержение татарского ига, — ни слова о Куликовской битве!

о том, что затаенные, по необходимости скрываемые в государственных и национальных интересах, стремления, планы и упования Ивана Калиты последний не мог проводить и осуществлять открытыми путями; обстоятельства того времени не позволяли и помышлять об этом, — слишком слаба была еще Москва, слишком всесильна была еще власть татар. Условия для открытой борьбы, для нанесения открытого «смелого и решительного удара» просто вообще еще **не были даны,** — но это Маркс обходит полным молчанием. В результате получается новое искажение русской действительности тех времен, и у читателя создается еще более ложное представление о русской истории.

Демагогическое и исторически совершенно неграмотное указание Маркса на борьбу России «с республиками», в сущности даже не заслуживает внимания. Новгород и Польша лишь весьма условно могут быть причислены к республикам. Что разумеет Маркс под «республикой казаков», не совсем ясно, — то ли Запорожскую сечь, то ли вообще Украину, и какую именно: присоединившуюся ли к России Малороссию, или входившую в состав Речи Посполитой Украину, или изменническую Украину Мазепы? Это и не существенно, ибо взаимоотношения тех времен между Россией и Украиной-Малороссией или запорожскими казаками никак не могут быть истолкованы, как принципиальная борьба «с республиками». Борьба с Новгородом — этап в общей политике и борьбе за объединение русских земель. Войны с Польшей — это вековые столкновения двух родственных, соседних, хотя и враждующих между собой народов. Отпор повторным вторжениям и покушениям на Россию со стороны Польши и последующий переход России в наступление — также никак не являются борьбой «с республикой». А с какими республиками вела борьбу современная Марксу Россия — это известно, очевидно, лишь ему одному: ни Новгорода, ни «республики казаков», и даже самостоятельной Польши во времена Маркса не существовало. Указание на неизменную борьбу России «с республиками», нелепое по существу, явно преследует лишь одну цель — возбудить и этим демагогическим путем недружелюбное и подозрительное отношение к России у своих читателей в Англии, стране хотя и не республиканской, но все же с давними либеральными и конституционными традициями.

Тенденциозно-пристрастно искажая историческую действительность, Маркс доходит до предельного извращения, до нелепейших утверждений, когда говорит о Петре Великом, этом — как он выражается — «изобретателе» современной русской политики, и о созданной им новой, современной России. Маркс, в сущности, утверждает следующее: **ничего нового** Петр Великий не внес в русскую политику, **он лишь усовершенствовал** старый московский, по существу и по происхождению **монгольский,** метод политики захватов, приспособив его к великодержавному масштабу новой России; а новый, современный имперский облик самой России — это лишь результат радикально и последовательно до конца проведенного устремления придать всеобщее, всеохватывающее и всеопределяющее значение все тем же принципам старой, пропитанной монгольским духом, «московитской системы». О великих реформах Петра, столь радикально обновивших Россию, он не упоминает ни слова. Даже в получении доступа к морю, в приобретении балтийского побережья, т. е. в событии, совершенно бесспорно способствовавшем приобретению Россией великодержавного значения, Маркс не усматривает ничего такого, что определяло бы этот новый облик созданной Петром Российской Империи. «Петр Великий сочетал искусство монгольского раба с гордым честолюбием монгольского повелителя», — в этой заключительной формуле Маркс проявляет всю свою премудрость. **Везде и во всем он видит лишь наличие двух факторов,** ссылаясь на которые можно и следует объяснить всю историю России: **низкий и подлый дух холопского раболепия** и **злой дух монгольского коварства.** Вот, по Марсу, ключ к пониманию России.

И ответ на вопрос, «каким образом это могущество достигло таких размеров?», сводится, по Марксу, к следующему: основой этого было то. что «монгольское рабство было той ужасной и гнусной школой, в которой сложилась и возвысилась Москва», которая затем достигла «виртуозности в искусстве раболепствовать», а Петр Великий «сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым честолюбием монгольского повелителя».

И это — все! Ничего другого он не видит! Даже в Петре Великом не разглядел ничего иного. **Проглядел всего Петра, проглядел всю Россию,** — что можно еще сказать об этой духовной слепоте!?! Жалкое, презренное мировоззрение, кото-

рое не позволяет усмотреть в чужой истории, в чужом величии и в чужой беде, в чужой жертвенности и в чужом героизме ничего другого, как только низость и подлость, коварство и трусость, раболепие и ничтожество.

Навязчивой идеей Маркса является его представление о непрестанном стремлении России к агрессивной экспансии, к завоеваниям и захватам. **Агрессия ему мерещится везде и повсюду.** Приобретение балтийского побережья и выход России к морю для него **доказательство** того, что за ним последуют дальнейшие завоевания в рамках целой «системы всемирной агрессии». Маркс пытается утверждать, что овладение балтийским побережьем и основание Петербурга – это не **завершение** давнишнего стремления России добиться доступа к морю, а, наоборот, лишь подготовка к новым завоеваниям, лишь **начало новых агрессий.** Приведем его собственные слова:

> «Для системы ограниченных территориальных захватов достаточно было суши; для системы всемирной агрессии море стало необходимостью. Лишь благодаря превращению Московии из чисто континентальной державы в омываемую морями империю Россия могла перешагнуть через традиционные рамки московитской политики; лишь теперь эти рамки могли быть упразднены в смелом синтезе, объединяющем метод бесшумного проникновения вперед монгольского раба и стремление к завоеваниям в мировом масштабе монгольского повелителя, в том синтезе, который представляет собой движущее начало дипломатии современной России.
>
> «Петербург — это окно, с высоты которого Россия может господствовать над Европой[17])»... Это перенесение столицы было вызовом, брошенным европейцам, а для русских оно было поощрением к новым завоеваниям ...
>
> Основание Петербурга, как государственного центра, удаленного от географического центра Империи, указывало на то, что имеется в виду новая периферия, наметить которую еще только надлежало в будущем.
>
> Петербург не был, в противоположность Москве, колыбелью народа; это было местонахождение правительства. Это

---

[17]) Маркс цитирует здесь слова неизвестного нам автора.

не плод трудолюбивых усилий целого народа, это было мгновенное творение одного человека. Петербург не был центром, откуда как как бы излучались все особенности континентального народа, но морским рубежом, где все эти особенности исчезают. Петербург не был традиционным ядром национального роста и развития, но местом, умышленно выбранным для международной интриги. Перенесением столицы Петр разрубил все естественные узы, связывавшие систему бесшумного проникновения вперед прежних московских царей со склонностями и естественными стремлениями великой русской расы. Построив свою столицу у морских берегов, он бросил открытый вызов инстинктивному отвращению этой расы к морю, сведя ее значение к роли простого колесика в его политическом механизме».

Полемизировать с Марксом, повторяем, дело трудное и бесполезное. Безапелляционным тоном он подбрасывает читателю голословные, решительно ничем не доказанные утверждения. Снова он жонглирует выражениями «монгольский раб» и «монгольский повелитель», говорит, что выход к морю стал необходимым, потому что без моря «система всемирной агрессии» не могла бы заменить систему лишь «ограниченных территориальных захватов». Где доказательства существования вообще таких «систем», доказательства такого обоснования, такой мотивировки для овладения морским побережьем?! Указание на «стремление к завоеваниям в мировом масштабе» столь же демагогично, как упоминание Марксом в другом месте завещанной Чингисханом «миссии завоевания мира». Почему перенесение столицы — это **вызов**, брошенный европейцам, а русских оно должно **«пооощрять»** к новым завоеваниям?! Откуда Марксу известно, что место для основания Петербурга было выбрано не по каким либо другим соображениям, а именно **«для международной интриги»?** Все это безответственно, голословно, демагогично; явная спекуляция на невежестве и неосведомленности читателя. Что скажут многочисленные русские мореплаватели, русские моряки военного и торгового флота, об «инстинктивном отвращении этой расы к морю», отвращении, с которым Петр Великий столь бесцеремонно не посчитался?

Когда Россия строит укрепления, Маркс постоянно говорит о том, что Россия угрожает кому-то — то Северу, то Запа-

ду; но он обходит полным молчанием логически вполне естественную возможность поставить вопрос иначе: разве Россия не заинтересована в укреплении своих окраин **от возможной угрозы со стороны Запада или Севера?** Воистину, нет предела разыгравшейся фантазии одержимого маниакальной идеей! Агрессии, завоевания, экспансия, захваты, завоевание мира, система всемирной агрессии! И все это односторонне, все это грехи одной лишь России, — **как будто Запад, Север, Юг и Восток никогда не нападали на Россию!** Как будто не было никогда ни набегов,ни вторжений, ни нападений и покушений со стороны половцев, татар, поляков, шведов, французов (и с последними чуть ли не всей Европы)! Ведь бóльшую часть своей исторической жизни русский народ провел в **оборонительных войнах!** [18]

Сказанного достаточно, приведенных цитат хватает, чтобы получить законченное и, полагаем мы, исчерпывающее представление о том, какими чувствами и соображениями руководится Маркс в своих суждениях о России и русском народе. Приведение еще бóльшего числа цитат едва ли внесет что либо существенное в уже и так достаточно красочный ассортимент злословия и клеветы, искажений и извращений, наветов и передержек, а также злобности и ненависти. Остановимся поэтому на показанном и изложенном, но приведем, в заключение, лишь одну еще цитату, чтобы показать, с каким цинизмом Маркс обнаруживает еще и свое безграничное презрение к русским.

> «Перенесением столицы Петр провозгласил, что он намерен осуществлять свою направленную на Восток и на непосредственно граничащие с Россией страны активность при посредстве Запада, используя для этого Запад . . .
>
> В то время как московские цари, территориальные захваты которых были осуществлены главным образом при содействии татарских ханов, были поставлены в необходимость отатаривать Московию, Петр Великий, твердо решив

---

[18]) Профессор И. А. Ильин указывает, что русский народ «провоевал, по точному исчислению генерала Сухотина и историка Ключевского, буквально **две трети своей жизни** — за свою национальную независимость и за свое место под солнцем, которое оспаривали у него все соседи». (Профессор И. А. Ильин: Наши Задачи. Статьи 1948—1954 г.г. Том I. Париж. 1956. Стр. 97).

действовать, используя Запад, был вынужден цивилизовать Россию. Овладев балтийскими провинциями, он разом же захватил необходимые для этого начинания инструменты. Эти провинции поставляли ему дипломатов и генералов, следовательно мозги, которые позволили ему осуществить свою систему политической и военной интервенции на Западе. Оне преподнесли ему, кроме того, целый рой бюрократов, школьных учителей и военных инструкторов; их дрессировочные методы должны были дать русским возможность обзавестись тем лоском цивилизации, благодаря которому они становятся способными к восприятию технических достижений западных народов, но который не пропитывает их западными идеями».

Стоит ли добавить что либо к этим преисполненным высокомерного презрения словам зазнавшегося невежи?! Они говорят сами за себя. Смысл их сводится к наглой инсинуации: русские, пребывая в своей собственной русской самобытности, **ни на что сами по себе не годны;** их надо было **«отатаривать», «цивилизовать», «дрессировать»** — иначе Россия вообще не могла бы выйти на арену истории и успешно по ней продвигаться вперед; признать русских полноценными никак нельзя, их умственные способности ограничены, их мозги не годны на то, чтобы справиться с повышенными требованиями государственных задач широкого размаха; им можно прививать лишь внешний лоск, их можно «дрессировать», как животных, научая их технической сноровке и механическому овладению теми или иными приемами. Но, — да простят нам читатели это поневоле напрашивающееся сравнение, — ведь и в цирке какой-нибудь шимпанзе ловко разъезжает на велосипеде и весьма «цивилизованно» сидит за столом, пользуется ножом и вилкой и утирается салфеткой, и тоже нисколько не пропитывается при этом ни западными, ни вообще какими бы то ни было идеями.

Маркс с предельным цинизмом открыто и публично продемонстрировал свое, полное презрения, отношение к русским. И вот, предтеча современного коммунизма Маркс оказывается и **предтечей идеи о русском «унтерменше»,** а, следовательно, и **предтечей того расистского умопомешательства,** под флагом которого была задумана страшная попытка **поработить и даже истребить этого русского «унтерменша».**

Усвоить, продумать до конца все это, — вот что весьма даже необходимо было бы сделать русским людям особенно тем, кто еще искренне верит в марксизм, — и сделать из этого необходимые выводы. «Кого почитаете?» хотелось бы их спросить. И ответ неминуемо должен гласить: «Того, кто вас оплевывает!»

Ибо действительно: все, что говорит Маркс о России — это **систематическое, сознательное, продуманное и намеренное оплевывание русских и России!**

*

Сведéние необозримого и неисчислимого разнообразия взаимоотношений людей, их действий, поступков, стремлений и побуждений к одной лишь, лежащей в основе всего, схеме пошлой борьбы интересов и потребностей, в конечном итоге и по существу якобы всегда чисто материальных и животных, — вот что лишает Маркса способности узреть, признать и оценить все то, что хоть несколько возвышается над этим примитивно-убогим уровнем. Натыкаясь на непонятное и не установив наличия игры или борьбы пошлых интересов и потребностей самого низкого пошиба, он выискивает их искусственно, т. е. **выдумывает** их, так как **иначе** он вообще **не был бы способен понять** что либо; а поскольку он их выдумывает и не может поэтому указать их, он объявляет, что они скрываются и притом еще изощренным, коварно-хитрым образом (иначе-то ведь он их усмотрел бы!). И вот уже сконструирована первая неправда, дающая ему основание строить дальнейшие неправды, — «разоблачать» обман, обвинить в надувательстве, опозорить ссылкой на коварные приемы, а затем пустить в ход все его уже известные нам приемы кодтасовки и искажения, клеветы и извращения. И все это усугубляет и доводит до степени одержимости ненависть Маркса к России. Этим и объясняется крайняя его озлобленность.

Сам Маркс демонстрирует, очевидно того не замечая, с какой вызывающей циничностью вседозволенности, с каким презрением он **конструирует лживые выводы из лживых утверждений.** Желая показать, на что только спо-

собна Россия и русская дипломатия, в смысле отвратительности приемов ее политики, Маркс ссылается на одну из нот Нессельроде; он обзывает ее «бесстыдной смесью надменности, изощрения и подлинного варварства», и приводит затем, в виде иллюстрации своей мысли, следующий анекдот, сопровождая его собственным умозаключением:

> «Существует забавный рассказ о двух персидских естествоиспытателях, которые хотели подвергнуть исследованию медведя; один из них, никогда прежде не видавший такого зверя, спросил, кладут ли такие звери яйца или рождают живых детенышей; на это другой, повидимому более осведомленный, ответил: «Это животное на все способно». Русский медведь наверняка будет на все способен, пока ему известно, что другие звери, с которыми он общается, ни на что не способны».

Можно, пожалуй, без особого преувеличения сказать, что по приведенному образцу построены все суждения Маркса о России.

Исторический облик России неизменен, его не могут исказить никакие поношения. Подлинный исторический лик России преисполнен благородства и величия.

Но нам, русским, на родине и в эмиграции, нам необходимо раз навсегда **понять, усвоить и запомнить, под чьим флагом** и **под чьим именем** было приступлено к насаждению в России коммунизма, под чьим именем его продолжают насаждать вплоть до наших дней. Имя это — Маркс. Тот Маркс, которого после ознакомления с собственными его суждениями о России, нельзя назвать иначе, как **сознательным, злейшим и яростным врагом России. И врагом не только России,** как государства или страны, но **врагом русского народа и всего русского вообще.**

Издательство ЦОПЭ, Мюнхен 19, Ренаташтрассе 77
ZOPE-Verlag, München 19, Renatastraße 77
Deutschland